ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 30 коп.

Литературная газета

Четверг, 5 августа 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 42 (678)

Повседневно руководить областными организациями

Почти по всей РСФСР проходит сейчас смена руководства краевыми и областными организациями союза советских писателей.

Смена эта носит не персональный, а принципиальный характер. Меняется в корне система местного руководства, вместо громоздких правлений, сидевших над маломощными, карликовыми организациями, вводится институт уполномоченных правления союза советских писателей.

Жизненность этой реформы полностью подтверждается тем сочувственным откликом, какой она встретила на местах. За нее дружно голосуют один край за другим.

Первые выборы уполномоченных прошли в конце мая — начале июня в Ростове-на-Дону, в Саратове, а к настоящему моменту, по неполным сведениям, уже состоялись выборы уполномоченных вместо ликвидированных правлений в Северной, в Горьковской, Куйбышевской, Свердловской и Челябинской областях, в Западной и Восточной Сибири.

Поступающие в редакцию «Литературной газеты» письма с мест выражают полное удовлетворение ликвидацией краевых и областных правлений союзов.

Ни для кого не секрет, что в своем большинстве это были отнюдь не жизнедеятельные органы. Часто правления полностью вмещали в себя всю организацию. Выборы правления при этих условиях превращались в чистейшую комедию.

Подобные правления являлись питательной средой для развития микробов семейственности, кумовства, самоснабжения и т. д. К ним присасывались литературные проходимцы, Хлестаковы, а подчас в такой «тихой заводи» вили свои гнезда троцкистские вредители.

Наиболее остро ощущаемая на местах потребность в литературной учебе, в организации идейной и творческой помощи молодежи оставалась совершенно неудовлетворенной.

Довольно обычную в этом отношении картину рисует в своем письме из Челябинска т. **Я. Бохминцев.**

«Недавно состоялось областное совещание писателей и литературного актива, на котором тайным голосованием избран уполномоченным ССП т. В. Губарев. До сих пор в Челябинске существовало оргбюро союза, организовавшееся около года назад по инициативе некоего Светозарова, пролезшего в его председатели. На челябинском небосклоне Светозаров появился после того, как вынужден был оставить Магнитогорск, где провалил работу кабинета рабочего-автора. Светозаров на средства союза вел веселый образ жизни, сам выписывал себе командировки, якобы для собирания литературных материалов, и т. д.

В этом году вышел в Челябинске первый литературно-художественный альманах, есть возможность осенью выпустить второй альманах.

Молодые челябинские писатели работали бы значительно плодотворнее, если бы кто-нибудь организовал для них учебу, мог бы оказать им квалифицированную помощь. Но этого пока нет».

Повторяем: изменение системы руководства местными организациями союза встречено на местах с большим удовлетворением. Но там естественно возникает вопрос: **что стоит за этой реформой?** Есть ли это действительный поворот правления союза советских писателей лицом к местным организациям?

Идет ли речь только о перемене вывески или избрание на местах уполномоченных правления ССП означает, что правление берет на себя определенную ответственность за их работу, что речь идет о создании подлинного контроля и действенной помощи литературным кадрам периферии?

Эти недоуменные вопросы нашли себе яркое выражение в «открытом письме» правлению ССП, присланном в редакцию общим собранием писателей Куйбышевской области.

Куйбышевские писатели пишут:

«Мы хотим знать, что же наметило правление в области правильного творческого воспитания и выдвижения молодых писателей?

Как же мыслит правление дальнейшую работу с литературными кружками и отдельными начинающими писателями?

Как будет правление осуществлять свое руководство и наблюдение за изданиями альманахов и журналов в областях и краях?

Как же думает правление ССП осуществлять культурно-бытовое обслуживание писателей на местах?

Мы надеемся, что правление даст периферийным писателям прямой и исчерпывающий ответ на все вопросы, возникающие сейчас в свете новых требований к руководству ССП, расскажет о ближайших своих мероприятиях по решительному улучшению руководства областными об'единениями, по окончательному разоблачению троцкистско-авербаховских последышей, пролезших в ССП, по заботливому выращиванию новой смены советских писателей».

Все эти вопросы тем более законны, что, как справедливо отмечают авторы открытого письма, проведение реорганизации носило до сих пор келейный и формальный характер.

В своем письме писатели Куйбышевской области указывают, что никакой предварительной подготовки к реорганизации правление не вело и к новой системе руководства само не подготовилось. Так называемая «инструкция» об обязанностях уполномоченных, разосланная на места, содержит десяток общих, декларативных строк. Правление посылает своих представителей на места для проведения выборов уполномоченных без всякого инструктажа.

Эти упреки в значительной мере обоснованы. В самом деле, разработанное областным сектором правления «Положение об уполномоченных» состоит из двух бессодержательных пунктов, говорящих о необходимости взаимной информации правления и уполномоченных.

Но разве уполномоченные правления на местах только информаторы?

Несомненно, введением института уполномоченных правление ССП взяло на себя значительную долю ответственности за руководство литературным движением и воспитанием молодых кадров на местах.

Новую форму надо наполнить подлинно новым содержанием.

В союзе писателей Украины

31 июля состоялось заседание правления ССПУ совместно с активом киевской организации писателей. Правление заслушало и обсудило информацию тт. **Кирипенко и Корнейчука.**

В своих выступлениях тт. П. Панч, А. Копыленко, А. Головко, М. Рыльский, М. Бажан, Д. Семенов, Я. Городской, Т. Гофштейн, Ю. Костюк и др. отметили, что оценка украинской советской литературы, данная товарищем С. В. Косиором на XIII с'езде КП(б)У, обязывает каждого писателя еще более усилить революционную бдительность, беспощадно вскрывать и сокрушать недобитого врага и все свои силы отдать на борьбу за высокое идейно-художественное качество нашей литературы, чтобы сделать ее достойной великого юбилея Страны советов — двадцатилетия Великой пролетарской революции.

★

Правление ССПУ постановило снять с должности ответственного редактора киевской «Литературной газеты» М. Тардова и с должности заместителя редактора — А. Патяка как людей, у которых притупилась большевистская бдительность, которые допустили в работе газеты грубые политические ошибки.

Временное редактирование газеты правление поручило редколлегии в составе И. Кириленко, А. Корнейчука и А. Головко.

За политические ошибки и проявление гнилого либерализма постановлено снять с должности ответственного редактора еврейского журнала «Фармест» И. Фефера; поставлен вопрос об укреплении руководства еврейской секции ССПУ.

Временное редактирование журнала «Фармест» поручено редколлегии в составе тт. Полянкера, Орлянда и Гонтаря.

Правление постановило вывести Л. Первомайского из состава правления ССПУ и снять его с руководства поэтической секцией.

★

Долгожданное собрание писателей киевской организации ССПУ наконец открылось 3 августа. В нем участвуют также представители областных организаций союза и писатели Молдавии.

Советские писатели Украины обсуждали вопрос о борьбе с троцкистско-авербаховской и националистической агентурой в литературе.

Тов. Кириленко в полуторачасовом докладе, на этот раз более критическом и самокритическом, все же, говоря о ВУСПП и «Молодняке» об ошибках руководителей этих литературных организаций — Микитенко, Усенко, Фефера, Городского, а также и о своих ошибках, не дал острой политической оценки той подлой вражеской работе, которая еще в последнее время проводилась в украинской литературной организации.

Прения, развернувшиеся в первый вечер собрания по докладу т. Кириленко, идут на недостаточно высоком уровне: в них нет настоящей критики и самокритики.

Подробный отчет о совещании—в следующем номере.

ЗАВТРА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА им. ГОРЬКОГО

Московский городской комитет партии и Московский совет организуют, завтра, 6 августа, в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького митинг трудящихся пролетарской столицы, посвященный новому избирательному закону.

Начало митинга в 7 часов вечера.

Днем в 30 местах парка состоятся беседы о Сталинской Конституции и о Положении о выборах в Верховный Совет СССР.

В течение всего дня на культбазе парка будет открыта выставка «Сталинская Конституция».

Популярнейший полководец республиканской армии Испании командир дивизии ЭНРИКЕ ЛИСТЕР.
Фото Р. Кармен (Союзфото).

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

ПЯТЫЙ КОРПУС

Привычны им давно лишенья и страданья;
Босые ноги их узнали пыль дорог,
И зной, и холода, и тяжкий путь изгнанья,
И сумрачной тюрьмы затоптанный порог...
В последний бой с врагом, из тьмы на свет
Они идут под знаменем побед!

★

Модесто! —имя то звучит победоносно
В жужжании пилы и в звоне топоров,
А имя Листера — в кирке каменотеса,
А «Кампесино» [1] — в грохоте цепов!
Среди дыма и могил, к эпохе светлых лет
Они идут под знаменем побед!

Перевод с испанского **Б. Загорского**

[1] **Модесто Гильото**—командир корпуса, рабочий-пильщик, **Энрике Листер**—каменотес и **Валентин** Гонсалес (Кампесино) крестьянин—популярные руководители частей республиканской армии.

Р. КАРМЕН

Одиннадцать месяцев на фронтах в Испании

★

2 августа в Москву возвратился оператор Союзкинохроники т. Р. Л. Кармен, пробывший 11 месяцев на фронтах Испании.

Операторы Р. Кармен и Б. Макасеев побывали на боевых участках героического фронта — Мадрид, Гвадалахара, Сарагоса, Карабанчель, Толедо, Уэска, Барселона, Сан-Себастьян, Астурия, Бильбао.

За 11 месяцев они засняли около 40.000 метров кинопленки, послужившей материалом для хроникальных фильмов «К событиям в Испании».

Эти фильмы широко известны не только у нас в СССР, но и за границей.

★

Одиннадцать месяцев провели в Испании советские кинооператоры.

40.000 метров пленки снято нами в Испании. Но нельзя сказать, что эти фильмы сделаны только нами. Какой процент из них принадлежит Михаилу Кольцову? Может быть, большой! Потому что этот энтузиаст большевистской журналистики, замечательный публицист, писатель-боец, всегда находящийся в центре событий, накладывал свой стиль на всю нашу киноработу.

В последние дни моего пребывания в Испании на антифашистский конгресс писателей, в солнечную Валенсию, в героический, стойкий Мадрид собрались лучшие представители передового и прогрессивного человечества, писатели Европы, Америки, СССР и других стран. Отсюда по всему миру разнесся их громкий, обличающий голос.

Участники конгресса были на передовых позициях в районе Карабанчеля, на местах героических гвадалахарских боев.

Всюду бойцы народной армии восторженно встречали писателей-антифашистов. Они видели в них друзей, братьев по оружию, соратников в борьбе с фашизмом.

Особенно радостно и тепло бойцы встречали советских писателей. Каждый раз, как только в окопах проносилась весть, что пришли русские, бойцы устремлялись к гостям. Обычное испанское выражение доброжелательства — похлопывание по плечу, видно, казалось бойцам недостаточным, слабо выражающим их чувства. Они обнимали и целовали советских писателей.

Но не только на фронте, — в каждом испанском селе слово «русса» вызывает довольную улыбку и возгласы восторга.

Слово «русса» в Испании стало символом победы, свободы и счастья.

Советская литература пользуется большой популярностью в Испании. Можно утверждать, что советские фильмы послужили одним из мобилизующих средств укрепления республиканской армии.

Это было в тихий июльский вечер. В загородном доме мадридского комитета коммунистической партии писатели встретились с Долорес Ибаррури. Она образно рассказывала о происходящих событиях, о великой ответственности, лежащей на писателях в их борьбе за мир. Потом она подошла к В. Вишневскому, положила ему руку на плечо и сказала:

— Вы и не догадываетесь, какой силой в организации нашей армии был ваш фильм «Мы из Кронштадта».

— Я помню, как молодые бойцы, только завидев самолет, улепетывали с позиций. Ими овладевал дикий страх, парализовать который мы были бессильны. Я вставала на их пути, но и мой голос был слаб...

— Ваша картина победила страх и воодушевила молодежь. Я видела, как бойцы, просмотрев вашу картину, в одиночку шли против вражеских танков...

Огромной популярностью в Испании пользуются и иностранные писатели: Хэмингуэй, Людвиг Ренн и другие.

Всегда взгляд наталкивался на сухую фигуру писателя—боевого командира, человека огромного спокойствия и предельной скромности — Людвига Ренна. Исполняя обязанности командира-бойца, он никогда не забывает, что он писатель.

Под Гвадалахарой вышел в атаку отряд республиканцев. Во главе отряда шел Людвиг Ренн. Он блестяще провел операцию и только после заметил, что держит в руках карандаш, которым до атаки делал заметки в своем дневнике.

Интернациональный литературный вечер

Антивоенный день 1 августа был отмечен в Парке культуры и отдыха им. Горького большим интернациональным литературным вечером на культбазе, устроенном немецкой секцией ССП совместно с клубом им. Тельмана.

Вечер открыл **Г. Лукач** речью, посвященной мировой борьбе всех прогрессивных умов за народный антифашистский фронт, за свободу испанской и китайской наций, за демократию и мир.

Эми Сяо рассказал о растущей консолидации всенародного антияпонского движения в Китае.

Дружно и горячо встретила аудитория выступление члена ЦК испанской компартии и председателя испанской секции МОПР, писателя **Исидоро Асеведо,** автора антимилитаристской книги «Кроты».

С чтением стихов, посвященных Испании в борьбе за мир, выступили антифашистские поэты **Иоганнес Бехер, Александр Барта, Фриц Брюгель** (Австрия), **Гуго Гупперт** и др.

Фридрих Вольф и **Джерманетто** в своих выступлениях рассказали эпизоды из собственной революционной биографии периода империалистической войны.

★

Днем в литературном клубе детского городка Парка культуры и отдыха им. Горького состоялась встреча поэта **А. Суркова** с юными посетителями городка.

После беседы о международном антивоенном дне т. Сурков прочел свою поэму «Большая война», «Песню красных фронтовиков» и стихи о гражданской войне.

ПЛЯ-и-БЕЛЬТРАН

Полет аэроплана

...Это может пройти незамеченным. В туманном лондонском небе его яростное жужжание может остаться неуслышанным. В Испании — другое дело. Летящий аэроплан вызывает напряжение и беспокойство. Если он «красный», он заставляет сердца необычно биться, если он «черный», все глаза наполняются ужасом и бесконечной горечью.

Мы — в Валенсии, где каждую ночь над жасмином и лилиями расцветает луна. Это не обыкновенная ночь. Сегодня исполнился год, как генералы подняли мятеж против народа. Антифашистские писатели мира чествуют в Париже память Гарсиа Лорки. Поэт Арагон взволнованным голосом, встреченный рукоплесканиями, читает стихи нашего любимого, незабвенного Федерико. Парижане восхищаются достоинствами нашей поэзии, нашими народными песнями. Мы сочиняем эти песни и чувствуем их душой, но не в силах открыть сердце для рыданий. Наша тень — смерть.

Нам никогда не забыть эту ночь. Это не обычная ночь. В Париже можно слушать стихи, спать, но не здесь. Здесь человек сжимает винтовку, крадется вдоль стены, прижимается горячей грудью к холодной земле. Беспредельная тоска пронизывает сны женщин и детей. Это— не обычная ночь. Год тому назад фашисты совершили самое чудовищное преступление против человечества. Они не ограничились убийствами тысяч и тысяч беззащитных существ, они пожелали физически уничтожить человеческий разум. Уничтожая Федерико Гарсиа Лорку, они думали, что истребляют глубочайший народный дух, но поэт продолжает жить в нас, в нашей плоти и в нашем сердце.

Мы не забудем эту ночь. Мы не можем ее забыть. Пусть в Париже слушают стихи, пусть в Лондоне спят женщины и дети.

Мы здесь не в силах сомкнуть глаза. Слышите? Тревога, тревога, тревога! Слышите? Видите? Полупустынными улицами женщины бегут в убежища. Нет времени для слез. Глаза детей вылезли из орбит. Помните, товарищи писатели, глаза детей во время ночных бомбардировок Мадрида? Помните ли об удручающем зрелище трупов детей, скошенных пулеметами? О горечи улиц, населенных ненавистью и смертью?

Но ничего! Испанский народ знает, что смерть подстерегает его, как кинжал, занесенный над его спиной. Луна продолжает цвести над жасмином и лилиями. Пусть убиты бомбами женщины и дети, разрушены жилища. Парижане могут спокойно наслаждаться поэзией. Лондонские дети могут спокойно играть в садах. За ночью следует день, за мраком — свет. Заря свежа, и апельсинные рощи покрыты росой.

Год тому назад Гарсиа Лорка пал под светлой гренадской зарей. В это утро, помня о нем, бойцы еще яростней сжимают винтовки и, пылая, как факелы, бросаются в битву. Они знают, что жизнь — ничто без свободы, и что свободы можно добиться, не щадя своей жизни. Они сказали второму конгрессу писателей: «Мы защищаем культуру остриями наших штыков и нашей собственной жизнью; вы, писатели, должны защищать ее вашим пером и вашей кровью».

Бойцы в окопах защищают культуру, они создают ее. Они мстят за Гарсиа Лорку, они создают ему памятник. Поэта можно понимать более или менее глубоко, но Федерико живет в сердцах народа. Фашисты сразили его во мраке, но народ поднял его на свои плечи и несет его к вечности.

Валенсия, июль 1937 г.

МАРИЯ ТЕРЕСА ЛЕОН

Культура — достояние народа

Лучшие поэты Испании — боевые товарищи героического народа. Некоторые из них борются с винтовкой в руках: Мигель Эрнандес — в бригаде «Кампесино», Лоренсо Варела — на бронепоезде. Они уже знакомы с пулями и знают правду о смерти, и тоску осажденного города, и шум самолета. В жилах их вместе с кровью струится поток горячей веры в нашу Испанию.

Поэту нет необходимости умереть, чтобы узнать, что такое смерть. Я видела, с каким запасом стихов вернулся из Малаги Эмилио Прадос, и знаю, сколько поэтического вдохновения находит в Астурии Сесар Арконада. Я видела, как тысячи крестьян слушают стихи Альберти.

На андалузском фронте я слышала, как звучит искренняя песнь Серрано Плаха, и как бородачи, молчаливые люди, сильные и суровые воины, аплодируют детской прелести стихов Антонио Апарисио. И разве все вы не слышали по радио поэта Леона Фелипе, приехавшего разделить с нами наш смоченный слезами хлеб?

Всем, кто видел войну, видел войну сердцем, а не глазами, чувствовал войну нутром, а не шкурой, известно, что культура — под угрозой. Защиту культуры, защиту нашего будущего, защиту нашего права свободно, с песней, вступить в новую жизнь, защиту наших поэтов, нашей поэзии — вот, что несут на своих штыках бойцы народной армии.

Боец из самой глухой деревни, не умеющий ни читать, ни писать, но унаследовавший по устной традиции народную мудрость, прекрасно понимает, что это фашисты сжигают книги, в то время как мы сохраняем в музеях старое религиозное искусство, что это враги переливают в слитки золотые дарохранительницы работы старинных мастеров, чтобы заплатить иностранцам за разрушение Испании, что это неграмотные фашистские генералы, никогда не бывавшие ни в музее Прадо, ни в Национальной библиотеке, приказали поджечь их.

Поэзия обитает теперь в собственном доме, переживая каждый час защиты Мадрида, защиты Испании. Ничего, что большая поэтическая эпопея еще не создана. Для народной испанской поэзии достаточно сейчас искусства, богатого не формой, а содержанием, чтобы с кастильской суровостью воспеть подвиги героев в старом испанском романсе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЛЕНОВ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ С МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПИСАТЕЛЕЙ

2 августа в Москву вернулись члены советской делегации Второго международного конгресса писателей — драматург **Вс. Вишневский** и писательница **А. Барто.**

Задолго до прибытия поезда на Белорусском вокзале и привокзальной площади собралась большая толпа. Среди встречающих—писатели, журналисты, родные, друзья.

Вс. Вишневский, выступив перед микрофоном, передал трудящимся Москвы пламенный, горячий привет от героического народа Испании.

В краткой речи он рассказал о работе Международного конгресса писателей.

Забытый участок работы

Письмо из Минска

Институт литературы и языка — один из самых неблагополучных участков работы Академии наук БССР. Пользуясь отсутствием классовой бдительности, в институте вредительствовала группка пролезших в институт врагов.

Враги срывали работу в институте. Институт издал немало печатной продукции. Но за исключением одной-двух книг, его издания, в научном отношении не представляя никакой ценности, содержат статьи врагов народа, которые расхваливали троцкистских прихвостней, нацдемов, протаскивали контрреволюционные национал-фашистские взгляды, клеветали на нашу страну, на наш народ, на советскую литературу.

Основная задача института — создание книги по истории белорусской литературы. Но до сих пор ни одного издания по истории белорусской литературы институт не выпустил.

Своими широковещательными декларациями о подготовке книги по истории белорусской литературы институт обманул общественность БССР.

Недавно изданный институтом русско-белорусский словарь страдает крупнейшими недостатками и нуждается в переработке.

Институт не пользуется никаким авторитетом среди научных работников, студентов, учителей и писателей.

На состоявшейся недавно научной конференции института, посвященной положению на литературно-языковедческом фронте, не присутствовал ни один писатель. Конференция вообще была весьма немноголюдна.

Институт литературы и языка — часть литературного фронта БССР. Но, к сожалению, институт плелся в хвосте важнейших событий этого фронта.

Воспитательная работа среди научных работников института не ведется. Большевистская критика и самокритика не развернута. Практическая работа по подготовке кадров подменена болтовней.

Необходимо коренным образом реорганизовать работу института, проверить состав его научных работников, изменить методы руководства.

Работа института должна, наконец, привлечь внимание президиума Академии БССР, который до сих пор никак ею не руководил.

ВИЦ.

ПИСАТЕЛИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ

ПЛЯ-И-БЕЛЬТРАН

Por [illegible] Literaria", a los escritores soviéticos, hermanos en la carne y en la sangre, compañeros en el ideal único de elevar al mundo a la máxima categoría humana: la independencia y la libertad del Hombre.

Pla y Beltrán

Valencia – 26 – Julio – 1937

ЧЕРЕЗ «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» — ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ, БРАТЬЯМ ПО ПЛОТИ И КРОВИ, ТОВАРИЩАМ ПО ЕДИНОМУ ИДЕАЛУ, СТРЕМЯЩИМСЯ ПОДНЯТЬ МИР К ВЫСШЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ДОСТОИНСТВУ; НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА.

Валенсия, 26 июля 1937 г.

■ ■ ■

МАНУЭЛЬ АЛЬТОЛЯГИРРЕ.

Valencia julio

A los camaradas escritores de la Unión Soviética, como un hermano más para el trabajo

Manuel Altolaguirre

ТОВАРИЩАМ ПИСАТЕЛЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОТ ИХ НОВОГО БРАТА.

Валенсия, июль 1937.

Евг. КНИПОВИЧ

«Посев»

События, описанные в романе «Посев», происходили 400 лет назад. Несмотря на это, раненного бойца испанской народной армии, мужественного антифашиста Густава Реглера меньше всего можно заподозрить в том, что он хочет уйти от проблем сегодняшнего дня.

Реглер был одним из организаторов единого антифашистского фронта в Саарской области. После плебисцита он был изгнан из «Третьей империи» и продолжал свою работу в эмиграции.

Реглер — участник парижского и мадридского конгрессов писателей. Реглер вот уже скоро год сражается в рядах народной армии за независимость испанского народа.

Литература для Реглера — мощное и острое оружие в борьбе за освобождение трудящихся.

«Вы можете закрыть границы, — говорил Реглер в 1935 г. на парижском конгрессе, обращаясь к сегодняшним властителям Германии, — наша литература их все-таки перейдет. Вы могли убить Мюзама, в ваших руках Осецкий и Ренн, но вы не заткнете нам глотки, вы никогда не задушите в нас ни любви к рабочему народу, ни мучительного пламени нашей страсти к истине».

И 7 июля 1937 года, встреченный овациями делегатов второго конгресса писателей, раненный Густав Реглер еще тверже, еще отчетливее сказал о своем понимании задач литературы в наши дни. «Нет перемирия с врагами народа, с убийцами Герники, с теми, которые сегодня ночью снова бомбардировали мирное население Мадрида... Нет других проблем композиции, кроме композиции единства против врагов. Нет других проблем фразы, кроме той, которая должна служить для уничтожения варваров. Нет другого поэтического чувства, кроме того, которое вдохновляет Испанию наших дней. Нет других проблем стиля, кроме стиля борьбы».

Чего же искал Густав Реглер в истории? Почему он обратился к прошлому? У Густава Реглера, который давно сражается в авангарде бойцов «грозной сечи наших дней», не могло быть и не было оснований для того, чтобы перенести в прошлое конфликты и проблемы нашей современности. Многие крупные и честные писатели-гуманисты Запада делают это для того, чтобы отдалить события во времени, беспристрастно взвесить их, обсудить, беспристрастно вынести решение, сделать выбор.

Выбор Реглера сделан давно и бесповоротно. Вот почему его история — это не «настоящее в прошлом», а прошлое, увиденное и осмысленное передовым бойцом современности. Вот почему в изображении этого прошлого Густав Реглер сочетает страсть и ненависть борца с точным пониманием об'ективной исторической данности.

В романе «Посев» Густав Реглер поднимает на борьбу с фашизмом революционные традиции своего народа, своей родины.

Современным пролетарским борцам Германии Реглер рассказывает о героической борьбе их предков, немецких плебеев и крестьян против произвола князей и попов. На материале истории, истории угнетенных, Реглер показывает, как революционер растет вместе с движением, как формируют и закаляют его опасности, борьба, даже неудачи.

Роман Реглера рассказывает нам о двух поражениях революционного движения, о разгроме двух союзов Башмака, подготовлявших великую крестьянскую войну XVI века.

И все-таки роман этот — глубоко оптимистический роман, проникнутый ненавистью к угнетателям и мужественной верой в конечное торжество дела революции.

Герой «Посева» — крестьянский вождь Иосс Фриц, по определению Энгельса, — «во всех отношениях представлявший из себя выдающийся характер». Он не сразу выступает в романе как сложившийся боец, как человек, твердо осознавший свою жизненную задачу. После разгрома первого крестьянского тайного союза, после похорон союзного знамени, зарытого вместе с телами казненных крестьян Иосс Фриц попадает в войска императора Максимилиана.

Реглер очень остро показывает ту хищную корысть, те мелочные политические расчеты, которые скрывались за пышными словами о «священной войне» против «варваров-турок».

Турецкий поход становится для будущего вождя суровой школой, освобождающей его от шовинистических иллюзий и от веры в справедливость императора — «отца» немецкого народа.

Но окончательный поворот в судьбе и мировоззрении Иосса происходит после зверской расправы, учиненной дворянами и попами над Вельтином, руководителем первого союза Башмака. От эшафота, залитого кровью товарища и учителя, уходит уже человек, сознающий свой путь, тот плебейский революционер, чей образ встает со страниц «Крестьянских войн в Германии» Энгельса.

Иосс Фриц — глубоко исторический образ. И вместе с тем, создавая его, Густав Реглер несомненно помнит о славном Тиле Уленшпигеле, о неумирающем духе фландрского народа. Вот почему Иосс Густава Реглера не только блестящий организатор, первоклассный агитатор, неутомимый революционер. Он — еще и воплощение революционных чаяний брухрейнских крестьян, неумирающий «дух» пахарей и лесорубов, рыбаков, горожан, ландскнехтов — всех угнетенных и обездоленных феодальной Германии.

Иосс, как и Тиль Уленшпигель, неутомимо идет по дорогам родной страны, пробуждая и поддерживая гнев угнетенных, и кровь Вельтина, как пепел Класа, всегда стучит в его сердце.

Путь Иосса и кончается так же, как путь Тиля Уленшпигеля. После разгрома второго союза Башмака Иосс с новым знаменем, спрятанным на груди, уходит в неизвестность как символ вечной, неумирающей борьбы угнетенных против угнетателей.

В книге Реглера нет модернизации истории, но «Посев» является книгой в значительной степени современной, потому что борьба трудящихся за свои права, за свое счастье и свободу остается единой, непрерывной традицией, и все эпизоды этой борьбы дороги и современны для сегодняшних бойцов.

Вот почему особенно взволнованно и страстно звучит в книге Реглера тема международного братства, международной солидарности всех борцов за освобождение человечества.

Демократическая Швейцария, изгнавшая своих князей и помещиков, Швейцария, где дети свободных людей играют среди развалин сожженных феодальных замков, эта Швейцария горит, как маяк, как сигнальный огонь и для Иосса Фрица и для всех его соратников.

Конечно, страсть и пафос страниц, посвященных этой стране, принадлежат не исторической Швейцарии XV века. Они принадлежат по праву той стране, самый факт существования которой поддерживает коммуниста-подпольщика в фашистской Германии, бойца народной армии в Испании, любого трудящегося любой страны света, который уже «не хочет по-старому».

Любовь к трудовому народу, любовь к родине, к угнетенной и поруганной Германии, любовь к Советскому Союзу, к родине всех трудящихся, к стране великой и подлинной демократии, ненависть к угнетателям, эксплоататорам всех времен и народов, — вот чувства, одушевляющие «Посев», мужественную книгу, книгу молодую, антифашистскую, книгу любви к жизни и веры в конечное торжество трудящихся.

Густав Реглер. Посев. Роман из эпохи крестьянских войн в Германии. Перев. с немецк. Я. Рецкера. Жургазоб'единение, «Всемирная библиотека». 1937 г. 365 стр. 2 р. 50 к. Тираж 20.000.

ЗАМЕТКИ ОБ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кроме репортажа **Франка Питкэрна** — видного левого английского журналиста, корреспондента английской «Дэйли уоркер», активного участника испанских событий, уже известного советскому читателю, в Англии вышло еще несколько книг об испанских событиях, в том числе **«Салют» Пеадора О'Доннеля.** Пеадор О'Доннель — левый ирландский писатель, автор переведенного на русский язык романа «Мы еще поборемся».

О'Доннель отправился в Испанию в июле прошлого года. Он не был посторонним свидетелем вспыхнувшего при нем мятежа и героической борьбы свободолюбивого испанского народа, он оказывал активное содействие защите испанской демократии. Книга «Салют», — пишет рецензент английской «Дэйли уоркер», — дает правильное представление о зверствах фашистского мятежа в Испании. Восприимчивый и свободолюбивый, О'Доннель умеет хорошо рассказать правду, у него верное чувство характеров, особенно крестьянских, зоркий глаз на существенные факты».

★

На фронте в Испании, защищая испанский народ, героической смертью погиб английский писатель-коммунист **Ральф Фокс.**

Генеральный секретарь английской компартии Гарри Поллит в статье к посмертному сборнику произведений Ральфа Фокса говорит, что Фокс вступил в коммунистическую партию, руководствуясь «глубоким чувством интеллектуальной убежденности, и с того момента, как он взял партийный билет, его жизнь была посвящена делу коммунизма».

«Он был исключительным храбрецом и очень часто благодаря ему нам удавалось задержать врага... я не просто отдаю должное покойному, когда говорю, что он был подлинным героем», — сказал о Фоксе командир его бригады.

Перед тем, как уехать в Испанию, Ральф Фокс закончил две книги — **«Роман и народ»** и книгу о **Португалии.**

В предисловии к книге «Роман и народ» Фокс так формулирует свой замысел: «...проанализировать современное положение английского романа, понять кризис идей, разрушивший основание, на котором, казалось, так прочно покоился роман, и заглянуть в его будущее».

Автор хорошо знает исследуемый материал. Книга «Роман и народ» говорит не только о большой начитанности автора, но и о его остром чувстве партийности и ответственности перед читательской аудиторией. Вся его книга — призыв к реализму, к правдивому истолкованию реальности. Об этом свидетельствуют даже названия глав: «Марксизм и литература», «Правда и реальность», «Роман и реальность», «Социалистический реализм» и др.

Недавно в лондонском издательстве «Лоренс энд Уишэрт» вышло посмертное однотомное издание избранных произведений **Ральфа Фокса** «Писатель-боец». Сборник вышел под редакцией известного левого английского писателя Дэй Льюиса, редактора левого альманаха «Новое творчество» и др., со вступительными статьями и отзывами Гарри Поллита, Сиднея Вэбба, Майкла Голда, известного автора романов об Испании Ральфа Бэйтса и др.

В сборнике помещены материалы, характеризующие разностороннюю одаренность Фокса. Материал разбит на главы: «Историк прошлого», «Историк настоящего», «Писатель», «Политический теоретик», «Литературный критик».

Разнообразная творческая деятельность Ральфа Фокса получила высокую оценку в многочисленных отзывах.

Сидней Вэбб с большой похвалой отзывается о биографии Ленина, написанной Фоксом.

«Мало кто из тех, — пишет он, — кто прочел ее, сможет удержаться от дальнейших исследований изумляющих достижений Советского Союза».

Английская литература в лице Ральфа Фокса потеряла талантливого писателя и стойкого борца за ее социалистическое будущее.

★

В последнее время в Англии вышло несколько новых книг крупных английских писателей: роман Ричарда Олдингтона «Верх блаженства», роман Сомерсета Могэма «Театр», повесть Герберта Уэлса «Игрок в крокет», автобиографическая книга Дж. Б. Пристли «Полночь в пустыне», сборник статей Олдоса Гексли «Оливковое дерево», отдельное издание книги Бернарда Шоу «Вильям Моррис», автобиография Джильберта Честертона и др.

★

Сомерсет Могэм — видный английский драматург, автор многочисленных (более 20) мелодрам и комедий и признанный мастер буржуазного психологического романа. В Англии Могэма называют «наиболее талантливым наследником драматургических традиций Оскара Уайльда».

Могэм до тонкости знает специфику сцены, хорошо владеет диалогом. В своих социально-бытовых пьесах он не ограничивается натуралистическим показом капиталистической действительности, он критикует ее, но никогда не выходит за рамки «респектабельности».

Самое значительное прозаическое произведение Могэма — его большой био-психологический роман «Of Human Bondage».

На русском языке были изданы роман Могэма «Луна и грош», пьесы в вольном переводе «Всегда в пять», «Обетованная земля» и др. и сборник новелл.

В текущем году Могэм выпустил новый психологический роман — **«Театр».** Это — единственное крупное прозаическое произведение, написанное Могэмом за последние пять лет.

Героиня нового романа Могэма — актриса, но, как указывает один из критиков, в «Театре» Могэма «больше жизни, чем театра».

— Это, — пишет о новом романе Могэма известный американский буржуазный критик Бэртон Рэско, — наиболее увлекательная книга из всех написанных Могэмом. Я не колеблясь поместил бы ее в ряд подлинно больших произведений английской литературы».

★

В русском переводе не появились еще произведения **Дж. Б. Пристли.** Пристли пользуется в Англии популярностью крупного романиста, драматурга и публициста. Его романы «Хорошие товарищи», «Застигнутые ночью», «Чудо-герой», очерки «Английское путешествие», драма «Опасный угол» получили в Англии широкое распространение.

Недавно Пристли выпустил новую книгу **«Полночь в пустыне»** «Главу из автобиографии», «Личную историю».

«Полночь в пустыне» характеризует Пристли как антифашиста, сторонника мира и демократии.

Пристли «смотрит на действительность, — пишет рецензент английской «Дэйли уоркер» — глазами «либерального социалиста», как он сам себя называет».

★

Олдос Гексли, автор известного романа «Контрапункт», является не только крупным английским романистом, но и видным публицистом.

«Если бы Гексли не написал ни одного романа, он все-таки был бы известен как один из очень немногих образованных современных эссеистов Англии», — пишет о нем журнал «Канадиэн форум».

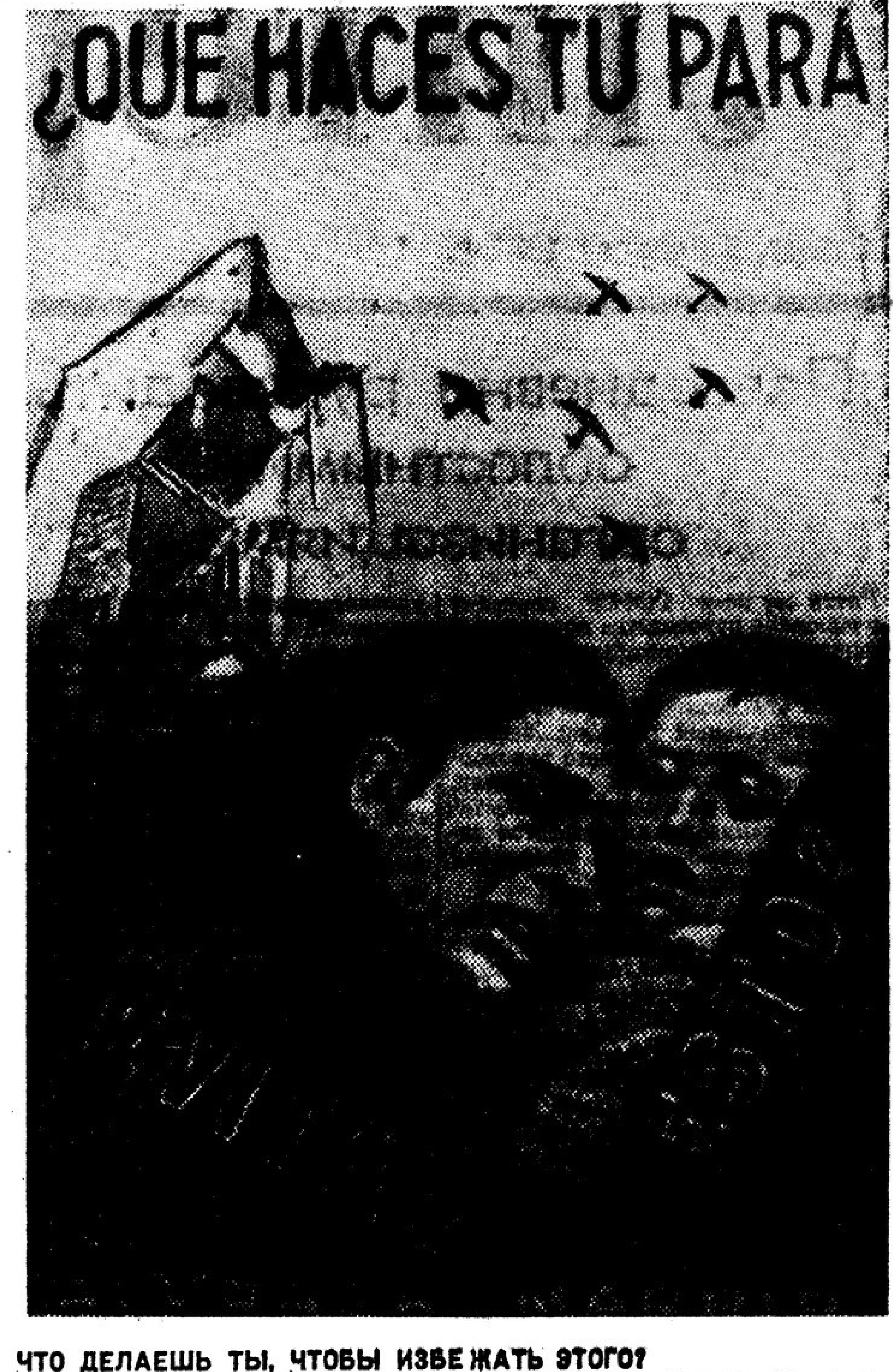
Недавно вышел седьмой по счету сборник статей Гексли **«Оливковое дерево».** В сборник вошли шестнадцать статей на темы «Писатели и читатели», «Т. Г. Гексли», «Современный фетишизм», «Английский снобизм», «Д. Г. Лоренс» и др. Некоторые из этих статей уже были ранее опубликованы.

★

В прошлом году умер **Джильберт Честертон.** В прошлом же году была издана его **«Автобиография».** В ней на ряду с описанием своей деятельности Честертон дает зарисовки из жизни Англии и портреты крупнейших английских писателей конца XIX и XX вв., портреты политических и общественных деятелей.

Честертон — крупный писатель, консерватор и католик, мастер парадокса, рафинированный индивидуалист, «не был показан, по мнению английской критики, так ясно и блестяще, в его произведениях, как в этой автобиографии...»

МИХ. УРНОВ.

ЧТО ДЕЛАЕШЬ ТЫ, ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ ЭТОГО?

Испанский плакат.

■ ■ ■

«Джон Броун»

Пьеса Майкл Голда и Майкл Блэнкфорта

Советские театры не должны пройти мимо пьесы Майкл Голда и Блэнкфорта, вышедшей недавно в переводе В. Топер (Гослитиздат, 1937 г., послесловие Дж. Кьюниц).

Особенный интерес пьеса будет представлять для молодого зрителя — она расширит круг его исторических познаний, ознакомит его с трагическим эпизодом прошлого, не нашедшим никакого отражения в нашей художественной литературе.

Джон Броун — не вымышленная фигура. Его чтит вся прогрессивная Америка, как одного из своих героев, восставшего против рабства, против плантаторского Юга, где в тисках бесправия задыхались 4 миллиона негров. Мирный фермер штата Охайо, Броун был далек от революционных настроений и бунтарских замыслов. Он был верующий христианин и идеалист и действовал из чисто человеческих побуждений, когда начал помогать беглым неграм и переправлять их на Север, где они искали спасения от ужасов рабства.

Но логика борьбы делала свое. Христианин и непротивленец вынужден был распроститься со своими иллюзиями и встать на путь восстания, призвать массы к оружию.

Восстание не удалось. Броун был казнен как «изменник» (в 1859 году). А через два года вспыхнула гражданская война, кончившаяся «крушением Юга», ликвидацией системы рабства. Следовательно, жертвы, принесенные Броуном, не оказались напрасными. Его выступление ускорило ход событий, приблизило час победы, во имя которой он отдал свою жизнь.

Громадное значение восстания Броуна уже тогда отметил не кто иной, как Карл Маркс, писавший в 1860 году Энгельсу:

«По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Броуна, с другой стороны — движение рабов России» (Маркс и Энгельс, т. XXII, стр. 474).

Пьеса Голда и Блэнкфорта правдиво отражает эту, полную драматизма, борьбу. Авторам удалось избежать вульгарно-социологических схем и построений. Это особенно заметно в их подходе к центральному образу произведения — Джону Броуну. Мы не видим никаких попыток навязать Броуну роль человека, вооруженного революционной идеологией в нашем понимании этого слова, или сделать его прямым рупором тех социальных слоев, которые экономически и политически были заинтересованы в поражении Юга.

Броун показан таким, каким он был в действительности: одним из немногих исключений в своей среде, благородным идеалистом, человеком пламенного сердца и непоколебимой воли. С большой драматической силой показан переход Броуна от христианского пацифизма к революционной непримиримости, превращение его в человека, который беспощадно расправляется с убийцами его сыновей и с той же решимостью готовится к расправе со всеми сторонниками Юга.

«Я буду делать то, во что я верю», — говорит переродившийся Броун, обращаясь к Гэррисону, редактору антирабовладельческой газеты, но стороннику «осторожных» и «гуманных» форм борьбы: «Я тоже предпочел бы жить в мире, потому что я простой фермер, отец семейства. Но я не стану терпеть рабство. Если, чтобы положить конец рабству, нужно убивать, я буду убивать и возьму этот грех на свою душу».

Очень хорошо показано в пьесе напряженное состояние, в котором пребывает многолюдная семья Броуна накануне восстания. Выпукло и четко даны характеристики сыновей Броуна и те сложные психологические отношения, которые возникают между ними на разных этапах движения. Джезон, проявлявший раньше величайшее нетерпение, неистово восстававший против отцовского непротивления, в решающую минуту обнаруживает свое нутро истерика, неустойчивость и растерянность человека, способного лишь на пылкие жесты — и дезертирует. Оуэн мечтает о тихой жизни с любимой женщиной, — он тоже ненавидит рабство, но его отпугивает мысль о схватке, ему хочется «знать наверное, выйдет ли из этого что-нибудь или нет». Оливер безоглядно готов следовать за отцом, но он слишком юн, его нужно оставить матери как последнее утешение.

Но в конечном счете все сыновья, кроме Джезона, оказываются достойными своего отца. Они вместе с ним мужественно погибают за освобождение негров, чье рабство они воспринимают как позор своего народа, своей родины.

Пьеса очень сценична. Некоторые эпизоды необычайно волнуют своей напряженностью даже в чтении — можно себе представить, как бы они прозвучали в хорошей постановке и в сильном актерском исполнении.

Особенное впечатление произвели бы на нашего зрителя, несомненно, эпизоды, где изображается расправа семьи Броуна с так называемыми «дойлowскими молодчиками», прямыми предтечами современных фашистов, показанными во всей их гнусной психологии рабовладельцев и «расистов», во всей наглости и цинизме громил и убийц.

Пьеса «Джон Броун» насыщена революционной страстью, она будит священную ненависть к поработителям и насильникам, она зовет к интернациональной солидарности. Вот почему мы ее горячо рекомендуем вниманию работников советского театра.

ДЕЛЬМАН.

И. ДУКОР

Корреспонденции Кольцова

Несколько лет назад в «Правде» был напечатан очерк Кольцова «Испанская весна». Он рассказывал о том, как на красном куске голой земли в толпе безграмотных испанских батраков шла запись в коммунистическую партию. Очерк имел огромный общественный резонанс. Он нарушал все установившиеся литературные традиции, связанные с туристскими описаниями Испании. Кольцов первый рассказал нам тогда суровую правду о ней. И тогда же мы увидели первые зарницы той грозы, которая сейчас бушует от Бискайских берегов до Гибралтара.

Нужно надеяться, что уже скоро выйдет книга Кольцова, посвященная героике борьбы испанского народа за свою свободу. Фрагменты этой книги пишутся на наших глазах почти ежедневно, и их на страницах «Правды» читает весь Советский Союз.

Книга будет замечательным событием в истории советской журналистики.

Три корреспонденции из Бильбао появились в «Правде» совсем недавно («Осада Бильбао», «Бои под Бильбао» и «Граница терпения»). Они дают краткую повесть героической борьбы в Басконии. На них стоит остановиться особо. Все качества Кольцова-журналиста, бойца-художника нашли здесь свое очень яркое и поучительное воплощение.

Штурм интервентами и фашистами Бильбао был только эпизодом в большой гражданской войне. Но в этом эпизоде Кольцов сумел показать все особенности ее. В борьбе за Бильбао со стороны мятежников принимали участие молодые призывные возрасты, обученные уже во время гражданской войны, вымуштрованные германскими инструкторами; части современные, боеспособные и, вместе с тем, рыхлые, нестойкие в случае неудач. В штурме принимали также участие итальянские дивизии, приведенные в порядок после разгрома под Гвадалахарой.

Со стороны республиканцев дралась баскская пехота, показавшая свои лучшие качества: упорство, хладнокровие, организованность.

Кольцов показывает отличие борьбы за Бильбао от первых этапов борьбы за Мадрид. В чем это отличие? В безнаказанном терроре массированной авиации.

Интересно проследить в этих корреспонденциях, как каждая фраза разоблачает и уничтожает варваров.

Вот пейзаж, рисующий страшную работу фашистской авиации, которая беспрерывно бомбит, в течение долгих часов, один-два километра фронта: «Многими часами небо не очищается от самолетов. Их работает здесь, у фашистов, более полутораста, и они непрерывно сменяют друг друга; пока один отряд отбомбился, другой пришел со свежими бомбами. Самые бомбы они уже не бросают, а просто сыплют ими, отдельные взрывы сливаются в сплошной громовый гул. Десятки тонн взрывчатых веществ без перерыва, нескончаемо раздирают землю на большую глубину, рвут и поднимают в воздух скалистые толщи. Все содрогается далеко вокруг. Даже волной воздуха убивает на большом расстоянии все живое... Надо неподвижно лежать под кустом, в траве, или стоя, тесно прижавшись к скале, к камню, ждать, и ждать, и ждать, пока утихнет наконец чудовищный шквал смерти. А вверху все маячат, все движутся тройками, девятками, дюжинами серебристые крестики, и кругом, изрыгая тучи дыма, песка, осколков, сотрясается обезумевшая земля».

Это описание тесно связано с показом героизма баскской пехоты и несет в повествовании двойную функцию. Оно показывает методы варварского нападения, и вместе с тем, взволнованно предупреждает: «Горе стране, которая не сможет обороняться в воздухе!» Такова основная мысль первой корреспонденции. В сегодняшнем видит Кольцов прообраз будущего. Он уже сейчас улавливает характерные черты грядущих схваток и все время акцентирует их, заставляя читателя быть настороже. Отсюда высокая, мы бы сказали, политичность пейзажа, зарисовок действий мятежников и героизма басков.

Газетный репортаж требует предельной скупости изобразительных средств. Кольцов всегда дает важные и весомые изображения, он схватывает наиболее типичное.

На той же резко акцентированной контрастности повествовательного фона построены и остальные корреспонденции из Бильбао. Вот город в решительные дни штурма. Враг уже ворвался на окраины. Измученные, усталые люди молчаливо переживают борьбу. «Собираясь кучками, баски прислушиваются, то с тоской, то с яростью, то с надеждой, к орудийному грохоту. Длинные очереди у лавок, чтобы получить полфунта хлеба или крупы, или поллитра растительного масла. Бледные лица женщин и детей. Люди стали тенями». Но тут же описание нарастающего страшного ожидания перебивается теплой лирической вставкой: «Они хотят жить, радоваться, смеяться, эти тени. Если вечером хоть на час затихает канонада, город робко пробует передохнуть, принять мирный вид. На тротуар перед домами выносятся стулья, матери семейств, как наседки, восседают в кругу своего большого потомства» («Бои под Бильбао»).

Контрастность строится не только на прямом противопоставлении бытовых зарисовок непосредственно описательному плану, но и на противопоставлении пейзажа авторской реплике. И тогда раскрывается политический смысл как будто безобидного перпиньянского пейзажа. Тихая провинциальная одурь, знойная истома, дремлющие старожилы, рынок, благоухающий горами овощей, мяса, рыбы становятся символом преступной политики невмешательства. Так каждая, как будто мирная, статичная строка выполняет свою функцию социальной характеристики явлений.

Ту же функцию несут в себе и портретные детали.

Вот голландский офицер, контролер на франко-испанской границе: «Салфетка узлом обвязана вокруг шеи, чтобы не упасть. На столе — батарея бутылок. Мы пробуем вступить в разговор, но, увы, бравый представитель голландской армии не вяжет лыка. Где уж тут контроль, — хоть бы из-за стола суметь встать...». В этих деталях — хорошо знакомый уже нам прежний Кольцов, Кольцов-фельетонист, сатирик, скупо рисующий людей одним-двумя мазками, дающими основное, решающее. У голландского офицера ничего нет, кроме салфетки вокруг шеи и батареи бутылок на столе. Что это? Плакат? Да! Но он исчерпывающе дает человека, который ничего не делает, который только пьет с утра до ночи. «До установления международного контроля мы не знали, сколько способен выпить в день один голландец».

Той же задаче социальной характеристики людей и событий подчинены также диалоги. Диалоги построены так, что они во всех случаях информируют о самом важном. Поэтому они иногда звучат, как памфлет, в других случаях — как предупреждение. Они об'ясняют, почему пал Бильбао.

И тогда свой настоящий смысл получает и салфетка на шее голландца-контролера. Это не просто беспробудное пьянство. В этих штрихах вскрыто самое важное. Голландскому офицеру нужно пить, чтобы не замечать грубейшего нарушения контроля мятежниками.

Кольцов не ограничивает себя показом враждебных сил или отрицательных явлений. Он подробно останавливается и на описании положительного опыта борьбы республиканской Испании. Он показывает героический народ Испании, его бойцов. И тогда вместо бичующего сарказма — теплые, взволнованные ноты.

Откуда же структурное богатство этих корреспонденций, многообразие приемов и красок? Откуда впечатляющая гибкость лирических интонаций? Об этом рассказал сам Кольцов в своей речи на конгрессе международной ассоциации писателей в Мадриде: «Есть моменты, когда писатель вынужден сам стать действующим лицом своего произведения, когда он не может довериться вымышленным, хотя бы даже им самим, героям». Так он сам формулирует норму творческого поведения писателя, желающего отобразить героику борьбы испанского народа. Именно отсюда глубоко личный, лирический фон всех его интонаций, каждой строки.

Как и во всех своих корреспонденциях с фронта гражданской войны в Испании, Кольцов никому не доверяет. Только самому себе. Только лично виденному и пережитому.

И в этом личном опыте нашел он высокий пафос своих корреспонденций, железную логику их художественной убедительности, целеустремленность изложения.

В будущей книге Кольцова три корреспонденции из Бильбао займут свое почетное место. Для нас они являются классическим образцом репортажа, в котором каждый факт предельно типизирован. Агитационное значение этих корреспонденций для миллионов читателей огромно.

«Негритенок Рикардо»

Редакция «Всемирной библиотеки» (издательство Жургазоб'единение) выпускает роман бразильского писателя **Жозе Линса до Рего** — «Негритенок Рикардо».

Место действия романа — большой бразильский город Ресифе. Действующие лица — отсталый, неграмотный, но тесно связанный с своим классом негр Рикардо, рабочий Флоренсио, политический деляга доктор Пестанья, рабочие-негры, мелкий предприниматель Александр.

Александр — владелец пекарни. Он жестоко эксплоатирует своих рабочих. Они пробуют бороться, об'являют забастовку. Но хозяин выходит из стачки победителем. В стычке с полицией умирает организатор забастовки, рабочий Флоренсио.

Через некоторое время в пекарне появляется рабочий Себастиан. Он призывает Рикардо и его товарищей к борьбе против хозяина-эксплоататора. Пекаря об'являют забастовку против голода.

Выступление рабочих испугало правительство. С забастовщиками жестоко расправляются: их высылают на необитаемый остров, куда раньше отправляли только уголовных преступников.

Рикардо с друзьями недоумевают:

— За что такое суровое наказание? За то, что они не хотели голодать?!

На рассвете тайно их отправляют на остров. Но они не плачут.

В их сознании все более крепнет уверенность в близости своей победы, крепнет мысль: «мы вернемся обратно».

Книга Жозе Линса до Рего дает картину рабочего движения на северо-востоке Бразилии в тот период, когда оно еще не освободилось от влияния буржуазных и мелкобуржуазных политиканов.

«ЕЛИЗАВЕТИНЦЫ»

Гослитиздат выпускает трехтомный посмертный труд литературоведа **И. Аксенова** о творчестве английских драматургов конца XVI — начала XVII столетий.

Первый том труда выходит в ближайшем будущем. Он содержит литературные характеристики главнейших представителей так называемой «елизаветинской драмы». В нем помещены статьи о современниках Шекспира — Томасе Хейвуде, Томасе Деккере.

Две статьи в книге посвящены одному из крупнейших английских драматургов — Бен Джонсону.

В последующих двух томах работы Аксенова будут собраны статьи исследователя о Шекспире.

О. ВОЙТИНСКАЯ

О простоте и литературщине

Россия явилась родиной великой социалистической революции, родиной большевизма.

Воссоздать картину пробуждения революционного роста народных масс, показать рост личности рабочего — почетная и ответственная задача художника.

«Безобразные формы эксплоатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников, — обстоятельство, превращавшее каждую серьезную стачку рабочих в громадный политический акт и закалявшее рабочий класс, как силу, до конца революционную». (Сталин, «Вопросы ленинизма». 10 изд., 37 стр.).

В условиях суровой классовой борьбы выковывались цельные личности, воплотившие в себе лучшие черты характера своего народа. «Слово сына моего, — с гордостью говорила «мать» Горького, — чистое слово неподкупной души». Вот эта неподкупность души рабочего человека, кровно связанного со своим народом, создает высокий поэтический пафос произведений Горького о рабочем классе. В художественных образах перед нами встает история нашей родины, история создания новой человеческой личности.

Новый роман Никифорова «Мастера», напечатанный в «Новом мире», написан, казалось бы, на актуальную тему — о возникновении капитализма в России и зарождении революционного движения.

В этой книжке как будто «все как полагается». Есть в романе капиталисты и рабочие. Капиталисты эксплоатируют рабочих, рабочие борются против капиталистов.

Почему же читатель с трудом прочитывает новую книжку Никифорова до конца, почему ему так томительно и скучно?

Герои романа Никифорова борются, страдают, влюбляются. Но — странное дело: вы все время с досадой ощущаете, что их поступки, мысли, чувства заранее предопределены автором по установленному в литературе шаблону.

Даже прочтя роман до конца, с величайшим трудом отличаешь хозяина завода Фридриха Ивановича Ланге от его брата Григория Ивановича. Ни одной индивидуальной черты, ни одного живого жеста.

Можно заранее предсказать, что вышедший из учеников Карп Полуденов превратится в усердного слугу своих хозяев, что будет он несусветным мерзавцем, легко преуспевающим в жизни.

Читатель твердо уверен, что Карп обманет дочь птицелова — Алентину. И Карп обманывает. Читатель заранее знает, что Карп пойдет на любое преступление, и Карп по указанию хозяев поджигает застрахованную ими мастерскую.

Плутовство таких Полуденовых и способ их преуспевания не раз описаны в литературе. Ни одного нового штриха нет в никифоровском герое. Он весь от литературной традиции. Надуманы и образы рабочих в романе Никифорова. Изображению их борьбы, их переживаний уделено непропорционально мало места. В первой части романа главным героем выступает Карп Полуденов, во второй — сын его Гурий, почему-то сделавшийся революционером. Десятки страниц посвящены описанию двойной игры Гурия и сложности его переживаний. Рабочая масса остается в тени. Все рабочие удивительно похожи друг на друга, нет героев, нет ярких индивидуальностей, все они примитивно действуют, мыслят и чувствуют.

Может быть поэтому все они говорят нестерпимо книжным языком.

Токарь Черемищин полюбил Алентину, покинутую Карпом Полуденовым. Вот как из'ясняется сам с собою Черемищин под аккомпанемент гитары.

«Она все-таки совсем другая, милостивый государь мой, Леонтий Никанорович. Ей, может быть, лучше всего подойдет степенный приказчик, у которого душа вроде домовитой мышки, помыслы не шире чуланчика. Ну-с, а что вы, Леонтий Никанорович, скажете насчет Алентины, Карпа Полуденова? Можете вы простить ей любовника? Ха! То-то вот и оно».

И хотя струны гитары резали его пальцы, «точно лезвия ножей», хотя чувства Черемищина, как и других персонажей книги, Никифоров выражает пышными и вычурными словами, переживания его не доходят до читателя.

Не менее книжен язык и остальных героев. Студент Борис, узнав, что Алентина пробуждается к революционной деятельности, говорит ей высокопарные слова:

«Леночка, — продолжал неистовствовать незнакомый дядя, — отдаю тебе пальму первенства за силу своей непревзойденной страсти».

Примерно в таком стиле написана вся книга.

У нас немало произведений, в которых литературная манерность подменяет подлинное искусство. Авторами подобных книг большею частью являются люди, оторванные от жизни, живущие в затхлой атмосфере литературных группировок.

В свое время Никифоров был в «Кузнице», он выступил с политически вредным романом «У фонаря», идеализирующим и оправдывающим двурушника, обманувшего партию, и с некоторыми другими политически ошибочными книгами. Казалось бы, Никифоров должен был вновь и вновь продумать свой литературный путь.

Никифоров шел от традиций «Кузницы» в изображении рабочего класса. Кадровый рабочий наделен цеховыми чертами мастерового. Не показана историческая роль большевизма в революционном пробуждении народных масс, в превращении рабочего класса в силу до конца революционную.

В романе нет высокого пафоса жизненной правды.

В нем много скучных рассуждений, но нет драматического нарастания событий.

Автор настолько привык резонерствовать за своих героев, что совершенно теряет чувство меры.

Рабочий Самохин влюбился в дочь миллионера Строчилина. Никифоров решил продемонстрировать перед советским читателем силу революционной дисциплины и заставляет революционера Кракова дать «партийную директиву»: «Ты ее люби, ты ее обязательно люби в порядке даже партийной дисциплины, если хочешь знать. Я это потому, что она дочь миллионера и тут может быть большая польза...»

Этакими «директивами» Никифоров пытается подменить подлинный революционный пафос.

Полиция смертельно ранила Кракова. Даже в эту минуту Никифоров заставляет его резонерствовать: «На одну минуту Краков открыл глаза и еще довольно внятно произнес: «Ну, что ж, уходи, Гурий, буду умирать, человека природа обидела, мой милый, она создала его смертным». Сказал и... умер. Вот в таком резонерском тоне описаны все переживания персонажей романа.

Весьма вычурно ведется повествование от автора.

Никифоров пишет: «Все, все еще было своим чередом и никак нельзя было подозревать, что где-то, скажем так, — в утробе безмятежной жизни, уже притаилось тревожное брожение, которое, по законам самого естества, должно было вызвать нарушение организма»(!).

Ну, зачем так писать о философии русского буржуа: «Она, эта философия, как бы лязгала на мир хищной своей пастью, истекая слюной, свидетельствующей о неразборчивом аппетите, который в свою очередь находился в услужении у емкой утробы».

Вычурность и надуманность языка романа сочетается с его бедностью, однотонностью, особенно в речи рабочих.

Спору нет. Разрыв между умственным и физическим трудом определил известный разрыв между разговорным языком народных масс до революции и языком литературным.

Но следует помнить о богатстве и характерности народной речи. И недопустимо мало сделано по изучению языка дореволюционного рабочего. Буржуазная литература прибедняла и сентиментально приукрашивала духовный облик людей из народа.

Пролетарская литература во главе с Максимом Горьким впервые реалистически открыла человечеству сложный мир мыслей и чувств народных масс. Рабочие у Горького говорят умным, простым и характерным языком.

Немало талантов из народа впервые творчески развернулось только после Великой Пролетарской революции. Но ведь они существовали и прежде.

В части советской литературы еще живет традиция — приукрашивать и в то же время схематизировать облик нового литературного героя. Эта псевдонародная литература так изображает рабочих, что непонятно, как Россия могла явиться родиной ленинизма, как русский рабочий класс мог стать в авангарде мирового революционного движения.

Никифоров неверно изобразил революционное движение России.

«Мастера» — равнодушная, черствая книга.

В. Никифоров, «Мастера». Роман, «Новый мир», 1936 г. 1937 г., кн. 2—5.

Лукашка забежал домой, соскочил с коня и отдал его матери, наказав пустить его в казачий табун... Рис. Е. Е. Лансере.

Из-во «Academia» готовит к печати «Казаки» Л. Н. Толстого с иллюстрациями Е. Е. Лансере.

Юным читателям о Щорсе

Найдется ли в Советском Союзе хоть один человек, которому было бы неизвестно имя Чапаева?

Память о легендарном советском герое накрепко вошла в умы и сердца тех, кто знал его лично, и тех, кто знает о нем по рассказам и художественным произведениям.

Рядом с именем Чапаева в истории гражданской войны стоит имя Щорса — легендарного героя освобождения Украины от интервентов.

Молодое наше поколение знает о Щорсе очень мало. Художественные произведения о нем только начинают создаваться: режиссер Довженко готовит кинофильм, Е. Герасимов и М. Эрлих написали о Щорсе книгу для ребят, которая выйдет скоро в Детиздате.

Первые две главы книги посвящены детству и юности героя, которые он провел в Сновске, где учился в железнодорожной школе, и в Киеве, где окончил военно-фельдшерскую школу.

Империалистическую войну Щорс провел на фронте, откуда вернулся в родной город истощенный, измученный ранениями и чахоткой.

«Щорс шел со станции домой, опираясь на толстую палку, часто останавливался, хватался за бок и кашлял.... Стряхнув на крыльце мокрый снег, прилипший к шинели, Щорс постучался. Мачеха, открывшая дверь, вскрикнула от испуга.

— Не бойся. Это я — Николай, — сказал Щорс и закашлялся.

Старик машинист, обнимая сына, с трудом сдерживал слезы. Куча полуголых, со вздутыми животами детишек потянулись к солдатскому мешку старшего брата. Мешок оказался тяжелым. Мачеха, заглянув в него, спросила испуганно:

— Это что такое, Николай?

— Наша солдатская картошка, — серьезно сказал Щорс.

В сумке лежали яйцевидные чугунные гранаты Мильса. Отец взял одну из них и, подержав, положил назад.

— Зачем это тебе, инвалиду? Еще не навоевался?

Сын, чуть-чуть сожмурив глаза, ответил:

— На память взял. А может быть, эти игрушки еще и пригодятся...»

Вся дальнейшая часть книги рассказывает о последнем годе жизни замечательного человека, в течение которого Щорс прошел путь от командира небольшого красногвардейского отряда до начальника Первой Украинской дивизии, стяжав себе славу народного героя, бесстрашного полководца-большевика, всем сердцем преданного партии Ленина — Сталина.

★

Двух месяцев власти оккупантов было достаточно для того, чтобы повстанческое движение охватило всю Украину. Несмотря на террор и дикие зверства интервентов, повсюду возникали партизанские отряды и росло революционное настроение масс. Нужен был человек, который мог бы возглавить и организовать партизанское движение.

В то время имя Щорса «уже было известно по всей северной Черниговщине. Одни говорили, что Щорс был у Ленина, и Владимир Ильич поручил ему об'единить украинских партизан для освобождения своей родины. Другие утверждали, что недавно он был у себя на родине, в Сновске, скрываясь там у друзей-железнодорожников, а потом, когда немцы пронюхали о нем, куда-то исчез. Некоторые уверяли, что на-днях видели его в одном из ближайших сел, одетого по-крестьянски. Он будто бы раздавал листовки и звал всех, способных носить оружие, в нейтральную полосу, где формируется повстанческий полк.

По селам было расклеено об'явление немецкого командования, обещавшего сто тысяч марок награды тому, кто доставит Щорса или его голову.

Читая это об'явление, крестьяне смеялись:

— Повремените маленько. Дядько Мыкола и сам придет.

И они рассказывали о человеке в рваном крестьянском зипуне и лаптях, который ходит по всем городам и селам, занятым германскими войсками или гетманскими гайдамаками».

Так еще при жизни Щорса создавались о нем легенды, в которых правды было больше, чем вымысла.

★

Жизнедеятельный, энергичный, несмотря на свою болезнь и раны, неутомимый Щорс умел быть вездесущим. Когда после победоносного наступления Первая Украинская дивизия, возглавляемая Богунским полком, заняла Киев, Щорс был назначен комендантом города. Но его редко можно было застать в комендантском управлении. «Вот он в военном госпитале пришел навестить тяжело раненого... Вот он мчится на автомобиле к кварталу, где богунцы осаждают обнаруженную ими петлюровскую банду. Вдогонку ему стреляют из окна. Щорс даже не оглядывается. Вот он, как в Унече, ходит по складам с блокнотом в руке, переписывая захваченные трофеи. На какой-нибудь заводе митинг, и здесь вдруг встречаемый бурными овациями появляется Щорс».

Дисциплина у Щорса была на первом плане. Он умел требовать подчинения, но и сам он был всегда образцом дисциплинированности. У него было несколько неписаных, но обязательных правил и главным из них было — самому быть там, где настоящая опасность.

Были такие моменты, когда бойцы, не выдерживая напора неприятеля, поворачивались и бежали. Щорс преграждал им дорогу и, «стреляя из револьвера в воздух, кричал охрипшим голосом: «Ни шагу назад!». Бойцы останавливались, рассыпались цепью и шли за Щорсом. «Были моменты, когда Щорс, командовав «За мной, в атаку», бежал впереди, задыхаясь от приступа кашля. На него страшно было смотреть... Были моменты, когда Щорс действовал, как рядовой боец. Видели, как он подползал к железнодорожному полотну, наперерез заходившему в тыл бронепоезду. Видели, как он клал на рельсы пироксилиновые шашки, как поджигал бикфордов шнур и видели, как потом вздрогнул от взрыва бронепоезд...»

★

У него была семья: во время гражданской войны он женился, скоро должен был родиться ребенок. В полку и в дивизии он думал о воспитании бойцов, создавал школы красных командиров. Никогда у него не было мысли, что он умрет во время гражданской войны. Бесстрашный, жизнерадостный, с непоколебимой верой в окончательную победу украинского пролетариата — таким он оставался до последнего дня.

Днем 30 августа Щорс явился в первый Богунский полк, в районе села Белошицы. Здесь ожидался главный удар галицийско-петлюровских войск, прорвавшихся к Коростеню.

Щорс получил приказ во что бы то ни стало задержать противника, чтобы выиграть время. Положение было очень напряженное. Он был весел и шутил. Красноармейцы говорили:

— Вы бы, товарищ начдив, поберeглись. Тут пули, как пчелки, летают.

Щорс рассмеялся:

— Разве пуля меня возьмет? Меня только снарядом можно ухлопать...

Батарея открыла огонь. Щорс, лежавший на земле, уткнулся в бинокль. Несколько снарядов легло возле сарая. Щорс считал: «Раз, два, три, четыре» — и вдруг замолк, опустил голову на землю, как будто задремал от усталости...»

★

Щорс погиб в бою под Коростенем. Пуля пробила ему голову навылет. Но последний, полученный им боевой приказ был выполнен:

«Дивизия отстояла коростеньский железнодорожный узел. Через несколько дней, прорвав окружение, она соединилась с частями Красной армии».

Е. КОСТРОВА.

25 тысяч читателей

Филиал всесоюзной библиотеки им. Ленина в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького выдал за два с половиной летних месяца 19 тысяч книг. Из них — 12 тысяч книг художественной литературы.

Наибольшей популярностью среди всех групп посетителей читальни в парке пользовались «На Востоке» П. Павленко, «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова и «Иудейская война» Л. Фейхтвангера.

Очень велик был спрос на русских и иностранных классиков.

После классиков и советских новинок по количеству выдач идут научно-популярные книги об авиации и завоевании Арктики. Спрос на эту литературу удовлетворяется с трудом, так как книг очень мало.

Всего в читальне летнего филиала Ленинской библиотеки за два с половиной месяца побывало **25 тысяч человек.**

«Чтение письма».

Иллюстрация КУКРЫНИКСОВ к «РЕВИЗОРУ» ГОГОЛЯ.

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает однотомник произведений Гоголя, богато иллюстрированный рисунками художников Кукрыниксов.

Вместо обзора печати

ЧЕХОВ—«МАЛОФОРМИСТ»

Конечно, редакция «Рыбинской правды» руководилась лучшими намерениями, посвятив 16 июля Чехову целую страницу газеты. Но кроме лучших намерений в этих случаях необходима и элементарная литературная грамотность.

В статье, посвященной Чехову, решительно подчеркивается, что творчество писателя «имеет огромное значение для нас». Анонимный автор статьи спешит развить это утверждение. И тогда к удивлению читателя выясняется, что чеховские произведения «дают исключительно ценный материал для изучения **некоторых** сторон **одного** из периодов русской истории» (подчеркнуто всюду нами), и что мы можем учиться на них «мастерству **в области так называемой малой формы».**

И это все! О том, что произведения «малоформиста» Чехова могут представлять некоторый интерес не только для историков или сочинителей куплетов, автор даже и не заикнулся.

Еще глубокомысленнее раскрыт творческий облик писателя. Оказывается, Чехов не случайно посвятил большую часть своих произведений «мещанскому нутру мелкого чиновника, интеллигента». По мнению «Рыбинской правды», Чехов изображал в подобных произведениях **самого себя.**

Взгляды чеховских героев, — развязно утверждается в статье, — **«были взглядами автора...».**

«Мещанское нутро» Чехова не дает покоя автору из «Рыбинской правды». Читатель узнает, что «мещанская ограниченность чеховского мировоззрения не позволила ему понять суть борьбы классов». Тремя строчками ниже мы опять читаем: «из-за мещанской ограниченности Чехов не разглядел...» и т. д.

Действительно, Чехов не был на высоте политических идей своего времени. Но мыслимо ли на этом основании обвинять в мещанской ограниченности писателя, **вся жизнь и творчество которого были посвящены борьбе с мещанством?**

Читал ли когда-нибудь редактор «Рыбинской правды» т. И. Лифанов Чехова?

✵

Вслед за редакцией «Рыбинской правды» попытку познакомить читателя с творчеством Антона Павловича сделала газета «Сталинец» — многотиражка московского автозавода имени Сталина.

Редакция многотиражки предоставила половину страницы директору средней школы при заводе **т. М. Розовой** для статьи о Чехове.

Статья М. Розовой, конечно, гораздо серьезнее «произведения» рыбинского литературоведа. Но редакция газеты совсем не поработала над статьей. Поэтому в ней остались утверждения, вроде того, что А. П. Чехов был «от природы искренний, смешливый, жизнерадостный» и «специальностью своей он избрал юмористический рассказ...».

Однако, поняв, что от него ждут серьезных трудов, — констатирует М. Розова, «Чехов **призадумался, сосредоточился и литературно перестроился».**

Коротко и ясно!

Памяти Ильи Чавчавадзе

В государственной библиотеке им. Ленина открылась выставка, посвященная столетию со дня рождения популярного общественного деятеля национально-революционного движения второй половины 19-го века, писателя-реалиста Ильи Чавчавадзе.

Выставка богата документальными данными о жизни и деятельности поэта-борца. Многочисленные книги и журналы первого раздела характеризуют Илью Чавчавадзе как поэта-реалиста. Здесь же — переводы стихов, критические статьи и отзывы о творчестве поэта.

Второй раздел посвящен участию Чавчавадзе в национально-освободительном движении грузинского народа и его отношению к самодержавию.

Это, пожалуй, самый насыщенный раздел.

Первый же экспонат — цитата из статьи И. Чавчавадзе — определяет его политические позиции:

«...Дворянство, как везде, так и у нас — это гроб, обитый бархатом и разделанный мишурой. Но удалите эту мишуру, вскройте гроб, и вам предстанут одни кости и разложение души и тела...»

Как бы ответом на это в конце раздела помещено донесение жандармского управления департаменту полиции. В нем обращается внимание на то, что «главным руководителем того направления, которое ставит своей целью углубление национального движения, является князь И. Чавчавадзе...».

Жандармы подчеркивают, что у поэта на квартире «устраиваются тайные собрания», и требуют установления слежки.

30 августа 1907 г. прозвучал предательский выстрел, убивший выдающегося деятеля, талантливого писателя И. Чавчавадзе.

В последнем разделе выставки представлены произведения Чавчавадзе, изданные при советской власти.

К. МАЛАХОВ

Люди, которые пережили свою смерть

Роман Г. Фиша рисует героическую борьбу финских пролетариев в 1918 году. Плохо вооруженные, без всякой военной подготовки, доверчивые и великодушные, они мужественно дрались с превосходными силами хорошо вооруженных и прекрасно обученных шюцкоровских и немецких частей.

Рабочими руководили люди, которые боялись решительных действий, не желали вести борьбу до конца, не верили в революцию.

Товарищ Сталин, выступая на с'езде финляндской социал-демократической рабочей партии в ноябре 1917 года, провозгласил «добровольный честный союз финляндского народа с народом русским». Он говорил на этом с'езде: «До нас дошли сведения, что вас так же пугают голодом, саботажем и пр. Позвольте вам заявить на основании опыта, вынесенного из практики революционного движения в России, что все эти опасности, если они даже реальны, отнюдь не непреодолимы. Их, эти опасности, можно преодолеть, если действовать решительно и без колебаний».

Г. Фиш. «Клятва». Роман. Журнал «Красная новь» № 4, 1937 г.

Но финляндская социал-демократия была неспособна возглавить борьбу пролетариата. Она встала на путь пассивной обороны, которая «есть смерть для вооруженного восстания».

Очень немногие финские рабочие когда-либо были в армии. Еще в 1901 году царское правительство расформировало финские войска. Финские пролетарии не участвовали в империалистической войне. Они вступили в гражданскую войну неподготовленными в военном деле.

Совсем другое было в белом лагере. Все лето и осень 1917 года шла вербовка в отряды шюцкоров. Их военными инструкторами были офицеры, прибывшие из Германии. К началу гражданской войны число шюцкоровцев, обученных и подготовленных, превышало 37 тысяч человек. Был налажен транспорт оружия из Германии.

С самого начала вожди финской контрреволюции делали ставку на военную интервенцию, на помощь немецких войск. Осенью 1917 года глава реакционного правительства Финляндии Свинхувуд поручал профессору Ельт, уезжавшему в Германию: «Устрой теперь так, чтобы сюда прибыли немцы, иначе мы не справимся». Велись переговоры с «политической секцией генерального штаба полевой армии» в Берлине и с германским министерством иностранных дел.

Красная гвардия успешно дралась, пока в Финляндию не прибыла так называемая «Балтийская дивизия» генерала фон дер Гольца. Пятнадцать тысяч немецких солдат и «добровольческие» шведские отряды — вот на чьих штыках пришла к победе контрреволюция. Эта помощь оказывалась не даром. «Избрание» в финские короли Фридриха Карла, ландграфа гессенского, родственника Вильгельма II,— прекрасная иллюстрация того «освобождения Финляндии», которое нес с собою фон дер Гольц.

Белые победили. Началась вакханалия белого террора.

Ленин говорил в августе 1918 года: «Культурные страны дадут нам картины более жестокой гражданской войны, нежели дала Россия. Это подтверждает Финляндия, наиболее демократическая страна из всех других в Европе, страна, где женщина впервые получила право голоса,— эта страна дико и безжалостно расправлялась с красноармейцами, и последние легко не сдавались» (т. XXIII, стр. 194).

Сейчас это подтверждают фашистские убийцы в Испании.

Белогвардейцы и интервенты нагло хвастались после разгрома финляндской революции: «Меч Германии выполнил приговор истории».

★

Фиш не ставил себе целью дать исчерпывающее изображение всего хода финляндской революции 1917 года. В центре романа — красногвардейский отряд и его командир Вернер — батрак, ковбой и шофер в прошлом.

Просто, сдержанно, подчас даже суховато развертывается сюжет романа. Развитие его совпадает с этапами борьбы, через которые проходит отряд Вернера, и передвижением отряда по Финляндии, в боях с шюцкоровцами и немцами. Здесь Фиш остается верен своей манере письма, которую читатели знают по его произведениям «Падение Кимас-озера», «Мы вернемся, Суоми» и др.

Постепенно, пожалуй, незаметно для себя, читатель знакомится с основными героями романа, раскрывающимися понемногу в ряде мелких, беглых как будто черт и особенностей. И читатель начинает близко знать и любить этих, таких обыкновенных, простых и в то же время мужественных людей.

Борец Ивар, который отказывается от участия в чемпионате французской борьбы и перспективы стать чемпионом мира, потому что его ждут красногвардейцы.

Горбун Симха, острящий в боях и накануне своего расстрела. Белобрысый, круглолицый, с веснушками парнишка Ганес,— ему «на вид от силы можно было дать 15 лет и то, наверное, потому, что он напялил на голову котелок». Верующий в бога старик Юкко, которому вера в бога не помешала разоблачить женщину-пастора, перевозившую в детской коляске ручные гранаты для белых.

Русский матрос Тетерь, не знающий финского языка, командует батареей и учит драться финских рабочих, находит с ними общий язык, его понимают.

Эти и другие герои остаются в памяти читателя живыми, родными образами.

Меньше удались автору девушки— Марта, Тойни, Сигрид и др. Все они красивы, все хороши, все храбры, и все как-то на одно лицо — очень уж похожи друг на друга, мало индивидуализированы.

Первые две части романа несколько затянуты чрезмерно обстоятельной передачей всяких побочных эпизодов и не очень существенных деталей. Но чем дальше, тем больше нарастают события и увеличивается напряжение. Фиш не замалчивает разногласий, которые были среди рабочих, демократических иллюзий, веры в парламентарное, мирное разрешение борьбы многих участников Красной гвардии. Он показывает черты партизанщины, недисциплинированности, от которых страдала финская красная гвардия.

Вот красногвардейский отряд Ивара отказывается итти в атаку, потому что ночь:

«— Товарищи,— сказал Ивар,— нам комитет поручил взять мост, а вы уходите.

— Завтра днем возьмем, — просто ответили ему из тьмы».

Вот Гельсингфорсский батальон, который уходит с фронта, потому что на собрании постановили итти домой в отпуск. «Они действительно не были дезертирами, и через две недели, когда они хотели вернуться обратно, их уже не пустили. Они не были трусами, эти парни. И это они блестяще доказали через месяц на баррикадах Гельсингфорса».

Эти люди, которые только под огнем врага учились воевать, только в боях овладевали элементами тактики, героически, самоотверженно дрались и побеждали. И они победили бы, если бы не войска интервентов.

Лучшие главы романа — те, в которых показаны беззаветная храбрость и самоотверженное мужество рабочих и работниц, еще вчера не умевших стрелять. Бой с баварским полком и атака героического женского батальона, арест и расстрел Рагнара и Симхи, бои на баррикаде у нового моста, — в этих и подобных сценах сдержанный язык романа приобретает большую выразительность. Простота и сдержанность изобразительных средств усиливают впечатление, потому что о великом и героическом лучше всего писать просто.

В главе «Баррикада у нового моста» рассказано, как немцы, чтобы взять баррикаду, гонят впереди себя жен и детей рабочих, прячась за их спинами. Работницы кричат своим мужьям и братьям: «...Стреляйте! Нам все равно не жить на свете, так стреляйте, бейте лахтарей!» Атака немцев отбита. Немцы начинают разрушать баррикаду и уничтожать защитников ее орудийным обстрелом. На гребне баррикады пляшет и смеется сошедший с ума Юкко.

«— Эх, все можно пережить,— с сокрушением сказал молодой слесарь, —все можно пережить, кроме своей собственной смерти.

— Мне кажется, — тихо сказал Рагнар, — мне кажется, что мы переживаем нашу смерть.

Это были последние их слова.

Немцы били в упор шрапнелью».

Не весь роман держит читателя в таком напряжении. Есть в нем места слабые, даже сырые. Диалоги иногда чересчур растянуты, особенно в начале романа. Действие развертывается порой слишком медлительно, неторопливо. Автор как бы опасается, что ему не поверят. Он цитирует мемуаристов и очевидцев. О многих крупнейших событиях рассказано чужой речью.

Иногда повествование принимает характер сухого перечня событий, скороговорки.

Но это частности, не меняющие основного вывода,— роман является успехом Геннадия Фиша.

Он звучит не как история прошлого. В той борьбе, которую вели финские рабочие, много общего с героической стойкостью испанцев, отбивающих немецкую и итальянскую интервенцию. И очевидно не один только Ганнес из героев романа Фиша нашел сейчас свое место в Интернациональной бригаде, дерущейся под Мадридом. Доблесть и мужество финских рабочих, о которых рассказал Г. Фиш, воспитывают в человеке лучшие, благороднейшие чувства и мысли, подымают на борьбу за «общее дело всего передового и прогрессивного человечества» (Сталин), и в этом большое и бесспорное достоинство романа **«Клятва».**

В. ТРОЙНОВ

М. Горький и Л. Андреев

Из воспоминаний современника

Горький первый обратил внимание на Андреева и сыграл немалую роль в его литературном успехе.

Великий писатель пролетариата активно боролся за революцию. Его слово призывало к революционному действию.

Андреев, наоборот, в политической жизни был пассивен. По его собственному признанию, он никогда не примыкал к общественным кружкам. Он выступал на вечерах с чтением рассказов, предоставлял для собраний революционеров свою квартиру, но сам оставался в стороне. Он воспринимал революцию, как событие, богатое сильными характерами, в духе романтическо-буржуазной «Истории жирондистов» Ламартина, которой он сильно увлекался. Отсюда его тяготение к стилизации революционных событий и его аполитичность в передаче революционных настроений масс. И все же влияние Горького на Андреева было огромно.

В одну из встреч в 1905 году Л. Андреев сообщил Горькому о задуманной им пьесе. Это была драма «К звездам», которая явилась первым откликом писателя на революционные события. «Вверху, на горах, обсерватория, и там живут русский ученый — директор обсерватории, его сотрудники и семья, а внизу происходит революция». Вся драма была построена на противопоставлении отвлеченного стремления к научным знаниям и борьбы народа за хлеб и свободу.

«Прочь, суетные заботы. Попирается здесь низменная земля, отсюда идут к звездам!» — говорит главное действующее лицо, ученый Терновский. Его сын Николай рвется вниз, на баррикады, но его удерживают любовь к матери и боязнь навлечь на отца гнев правительства. «Отец занят большой научной работой. Чем больше будут изучены солнечные пятна, тем меньше останется пятен в социальной жизни», — говорит он. Николай пытается руководить революцией сверху. Ему помогают невеста и ряд других лиц. В последнем акте приверженцы правительства врываются в обсерваторию, чтобы арестовать Николая. Отец же, в ответ на угрозу правительственного комиссара разгромить обсерваторию, становится перед рефрактором и гордо заявляет комиссару: «Не смейте трогать моих приборов!».

Горький выслушал Андреева до конца, ни разу не перервав его какимлибо вопросом. Временами он морщился, ерошил волосы растянутой пятерней, нервно откашливался, точно у него что-то застряло в горле, а иногда, поднеся спичку к папиросе, забывал закурить и подолгу смотрел на Андреева, подставив под подбородок руку.

— Хорошая пьеса, братец, выйдет, — говорил Горький. — Станиславский обеими руками ухватился бы за нее. Характеры сделаны замечательно. Даже в схеме это чувствуется. Но вот, чорт возьми, ты еще руку не набил в драматургическом ремесле. Понимаешь, люди у тебя словно в бальных перчатках ходят. Боятся руку в кулак сжать, чтоб швы не лопнули. А какая же, милый мой, революция может быть без зуботычины! И потом, что же это, — одни разговоры. Точно часы в закрытом футляре: слышно — тикают, а гирь-то, маятника-то и не видно. А в этом — вся движущая сила механизма. Как же так...

И Горький стал по-своему перекраивать сюжет. Он выбросил немую старушку с трясущейся головой — к чорту гамсуновские символы!, — послал Николая на баррикады, рассорил семью и сотрудников Терновского, наметил двух рабочих, простых, но житейски мудрых людей, преданных делу пролетариата. Он придумывал целые сцены столкновений между враждующими людьми, вставлял колкие, горьковские словечки, описывал внешность действующих лиц. Горький не оставил без внимания даже декоративной части пьесы.

Горький говорил с увлечением. Низкий голос его становился гибким. В страстности жестов терялось обычное однообразие и угловатость движений, дуги бровей поднимались выше, и улыбка была проще, теплее.

— Слушаю тебя и думаю: кто же из нас автор пьесы — ты или я? — засмеялся Андреев.

— Ты, Леонид, — ответил Горький, дружески беря его за руку. — Честное слово, — ты. — Понимаешь, я тоже пишу пьесу. В тюрьме еще начал. И тоже такой один чудачек, ученый, есть... — И вдруг торопливым броском добавил: — А что я думаю: не приняться ли нам за работу вместе? Ты набросай начерно, а я тоже подумаю. Ей богу, Леонид, хорошо будет.

Андреев с радостью ухватился за это предложение.

— Это было бы замечательно, — воскликнул Андреев. — Но постой, что же получится? Ты моего Терновского подмастерьем сделаешь, а небесную богиню, астрономию, в лучшем случае — замоскворецкой гадалкой. Потом, ты сам пишешь пьесу.

Горький махнул рукой.

— Это не в счет. Я ее тихоходцем вывезу... А ты, боюсь, не справишься один. Твоих людей надо стравить. Тут грубость нужна. У меня это лучше выйдет. А Терновского с присными себе возьмешь. Профессора по твоей части. Они у меня как-то непричесанными получаются... Только ты не очень лезь в лапы этого самого Космоса. Обманчив он, и не к чему это.

— А Фауст? — возразил Андреев.

— Ну, куда хватил, — сказал Горький, разводя руками. — Теперь век материи. Наш дом, братец, — земля, и на ней нам надо устроиться хорошо, радостно.

Андреев принялся за пьесу.

Горький убедил его, и он во многом отступил от прежнего плана. В числе революционеров появился рабочий Трейч. Николай погиб на баррикадах. Терновский остался попрежнему центральной фигурой. Из женщин резко выделены, как положительные типы: невеста Николая — Маруся и жена Терновского, — образ матери Андреева. Немая старуха была выброшена.

Закончив работу, Андреев, повез пьесу Горькому. Вернулся он мрачный, раздраженный. Пьеса Горькому не понравилась. По словам Андреева, он слушал ее без оживления и очень мало говорил о ней. Расхождение взглядов оказалось глубже и непримиримее, чем предполагал Андреев.

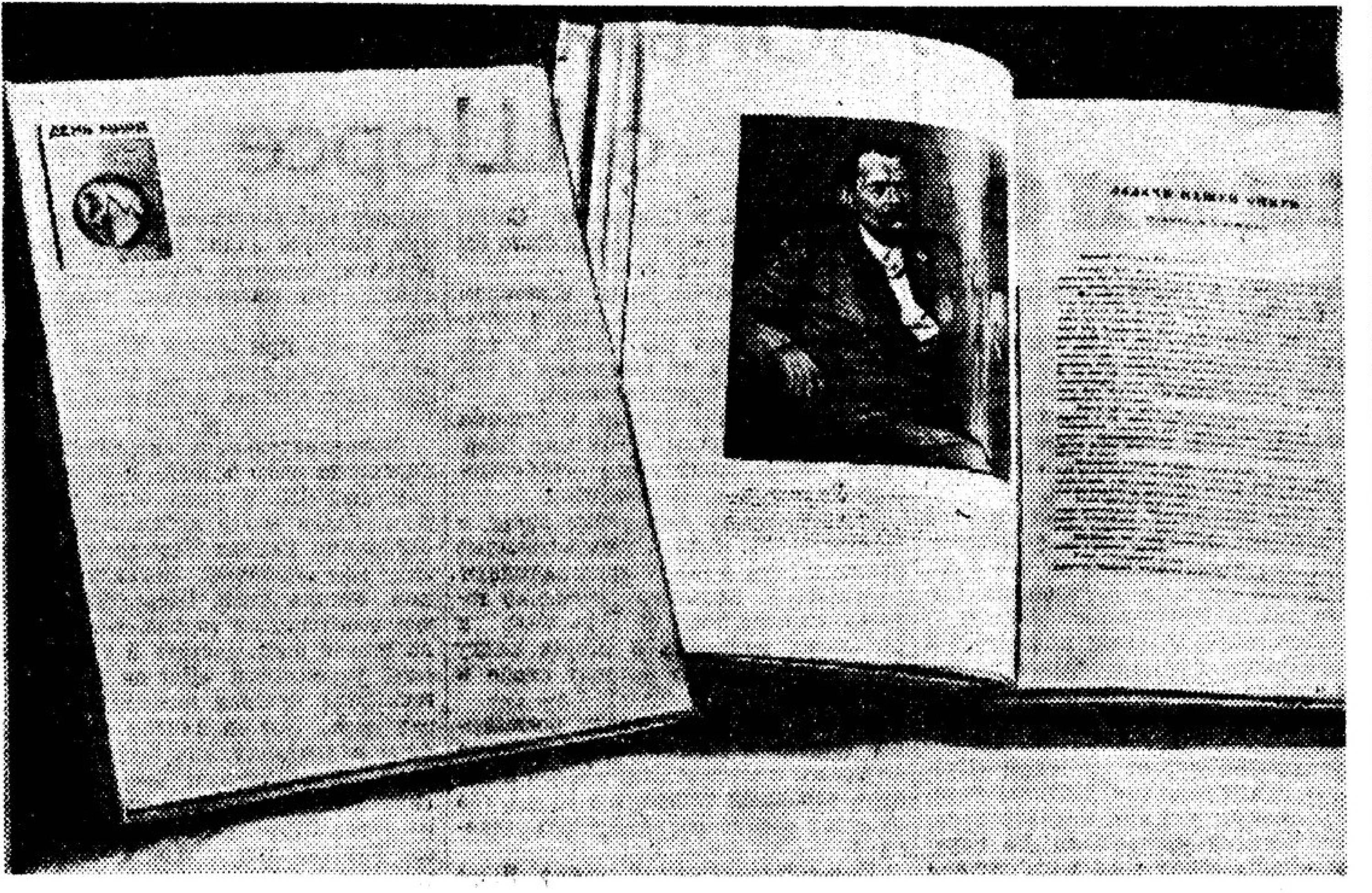
Вопрос о совместной работе больше не поднимался. Л. Андреев снова взялся за переделку пьесы. Это был уже третий вариант. Андреев опять ввел немую старуху и, словно в отместку Горькому, еще более усилил в пьесе мистический элемент. Он деятельно вел переговоры с театрами, но поставить пьесу на сцене не удалось.

Наступала революция 1905 года. Андреев уехал за границу. Вскоре после декабрьского поражения, Горький принужден был эмигрировать в Америку, а затем на остров Капри. Писатели изредка встречались, но они были уже чужды друг другу.

Творческие пути их совершенно разошлись. Имя Горького сделалось движущей силой революции.

Общественное воздействие творчества Андреева, наоборот, начало падать. Он все более переходит на сторону реакции и буржуазного читателя, жадного до новшеств и острого ощущения.

Андреев несколько раз пытался вернуть к себе дружеское расположение Горького. «Что же разлучило нас?» — спрашивает он в своем письме. И Горький, со свойственной ему прямотой и ясностью дает ответ: «...скажу: первое — «Тьма». Обиделся я на тебя за нее, ибо этой вещью ты украл у нищей русской публики милостыню, поданную ей судьбой. Дело происходило в действительности-то не так, как ты рассказал, а — лучше, человечнее и значительнее. Девица оказалась выше человека, который перестал быть революционером и боится сказать об этом и себе и людям. Был праздник — была победа человека над скотом, а ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим».

Вышли первые экземпляры книги «ДЕНЬ МИРА». Книга составлена по инициативе М. Горького. В ней описан один из обыкновенных дней мира — 27 сентября 1935 года. В подборке материалов для этой книги приняли участие журналисты, писатели и фотографы почти всех стран мира. Книга издается тиражом в 20.000 экземпляров. На снимке: футляр книги «День Мира» и письмо М. Горького к Михаилу Кольцову на одной из страниц книги.

Домик на с'езде

ДЕТСТВО А. М. ГОРЬКОГО В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ

От нашего специального корреспондента

На фасаде небольшого, одноэтажного буро-красного домика, в простенке между небольшими окнами — мемориальная доска.

На ней надпись:

Здесь
в доме своего деда В. В. Каширина
в 1872 году жил
А. М. ГОРЬКИЙ

В конце нынешнего Почтового с'езда, внизу — новый город, новая жизнь: залитые асфальтом улицы, красивые сооружения пристаней, кафе, трамваи, магазины, вереницы автомобилей, бесконечная толпа прохожих, шум, оживление.

Мы подымаемся по крутому с'езду. Это и есть тот самый, ставший знаменитым Успенский с'езд, где в доме своего деда, Василия Васильевича Каширина, 65 лет назад жил маленький Алеша Пешков.

Домик на Успенском с'езде, семью деда, быт вчерашнего мещанского люда, жестокие социальные противоречия, ссоры, драки — с мастерством великого художника, писателя-реалиста изобразил Горький в своем «Детстве».

В день первой годовщины со дня смерти великого пролетарского писателя, 18 июня, открылся реставрированный домик на с'езде.

Каширинский дом состоял из двух тесных комнат, кухни и сеней, где жила семья деда, и пристройки, где помещался дядя писателя Михаил Каширин.

С тех пор прошло несколько десятков лет. И теперь, после реставрации, «каширинское гнездо» кажется осколком далекого прошлого, мрачным памятником сгинувшего мещанского быта.

Горьковский горсовет и Куйбышевский райсовет, раньше чем приступить к реставрации, обратились к Алексею Максимовичу за уточнением некоторых вопросов, связанных с восстановлением домика. Письмо Алексею Максимовичу было отправлено 27 мая 1936 г.

В день возвращения в Москву из Крыма Горький получил его.

Уже плохо себя чувствуя, писатель все-таки нашел силы, чтобы заняться этим делом. Он лично набросал чертеж внутреннего расположения комнат в доме деда.

Внешний вид домика и расположение комнат восстановлены.

Теперь предстоит не менее сложная задача: найти и собрать обстановку и предметы домашнего обихода.

Сейчас на стенах комнат повешены акварельные рисунки, изображающие внутренний вид каширинской квартиры. И даже эти небольшие рисунки, детализирующие обстановку крохотных комнат с низкими потолками, дают исчерпывающее представление о том, как жили здесь современники Алеши Пешкова.

Со двора через просторные сени — ход в кухню. Два окна кухни каширинского дома выходят на Успенский, ныне Почтовый, с'езд. Сравнительно большой кусок кухни занимает русская печь. На каждой стене повешены акварельные рисунки, изображающие обстановку того времени. Простой деревянный стол, старомодные стулья, длинная скамья, бадья с метелкой, икона в переднем углу — вот и вся неказистая обстановка кухни.

В большой семье ремесленного старшины — мещанина Каширина эта кухня была местом, куда постоянно собирались хозяева, семья, рабочие-красильщики, прислуга.

Здесь веселились, дрались, плакали, умирали, ругались, смеялись, проклинали...

Из кухни одна из дверей, что позади большой русской печки, ведет в комнату бабушки писателя — Акулины Ивановны. Широкая деревянная кровать с горой подушек и высоко взбитой периной, накрытой стеганым ситцевым одеялом. У окна, на тонких козелках — подушка с коклюшками для плетения кружев. Большой кованый, обитый блестящей жестью сундук в углу. Иконостас с горящей лампадой, перед ним на угольнике — стопка церковных книг. Над сундуком, на стене, оклеенной синими обоями с цветочками, большие старинные часы с блестящим маятником и тяжелыми гирями. Олеографии.

Парадная горница была оклеена желтыми обоями. Эта комната — типичная «гостиная» мещанской семьи семидесятых годов. На окнах — белые занавески, горшки с цветами. По стенам—выцветшие фотографии в выпиленных из фанеры рамках. В простенке между окнами — стол, покрытый скатертью. На нем медный, начищенный самовар. «Горка» со стеклянными стенками, на полках посуда — «парадная», подающаяся только в торжественных случаях.

В пристройке, где жил дядя писателя — Михаил Каширин с женой Натальей, сейчас устраивается детская библиотека. Комната Михаила в историческом отношении никакого интереса не представляет.

Предметы домашнего обихода, утварь, мебель, воспроизведенные на акварельных рисунках, восстанавливающих внутренний вид каширинского дома, это еще не все. За время детальной реставрации домика на Успенском с'езде здесь несомненно будет многое добавлено.

На открытии реставрированного домика В. В. Каширина не могла не побывать Анна Кирилловна Заломова, прославленная Горьким в его повести «Мать». Замечательной старушке уже перевалило за восемьдесят восемь... Бодрая, живая, она говорит нам:

— Помню я этот домик. Хорошо помню... Мрачный был он, неказистый... Теперь, как его отремонтировали, все так же стало, только будто он поновее выглядит...

Историческая реликвия — реставрированный домик В. В. Каширина на Почтовом с'езде, где жил в детстве А. М. Горький, естественно, вызывает огромный интерес не только среди горьковцев, но и среди тысяч приезжих.

Но, как ни странно, в домике до сих пор не налажено обслуживание посетителей. Кроме сторожихи и библиотекарши, которая приходит сюда на несколько часов, здесь нет никого.

— Хозяев у нас настоящих пока нет, и пускать сюда никого не велено, — вот ответ, который мы услышали, посетив домик на Почтовом с'езде через несколько дней после его открытия.

ЮРИЙ АРДИ.

АННА КИРИЛЛОВНА ЗАЛОМОВА. Снимок сделан в Горьком в первых числах июля 1937 г.

Лев НИКУЛИН

«Дело об убийстве на Брянском вокзале»

В 1916 году Брянский вокзал в Москве представлял невзрачное, напоминающее барак, деревянное здание, вытянувшееся вдоль станционной платформы.

В пассажирском буфете первого класса сидели по большей части военные, ожидающие поездов на Киев и Одессу, вернее — на юго-западный фронт. Штатские пассажиры жались по углам, теряясь среди военных шинелей и полушубков.

Пассажирский буфет был полон. Звон посуды, говор и гомон заглушали гул прибывающих поездов.

Приближался новый год. Офицеры-фронтовики брали отпуск с таким расчетом, чтобы попасть на праздники в Москву. Это и было обидно офицерам, у которых отпуск кончался накануне рождества. А еще обиднее тем, кто только что выписался из лазарета, недолго числился выздоравливающим и сейчас должен был уезжать в свою часть на фронт.

Именно в таком положении оказался ротмистр Лубенского гусарского полка Марков. Девять дней назад он выписался из лазарета Крестовниковых и еще чувствовал слабость в ногах, головокружение, усилившееся от спертого воздуха в буфете и от угара.

У ротмистра Маркова не было ни родных, ни знакомых в Москве.

Полк ротмистра стоял в Юго-Западном крае. Первый год войны Марков провел в непрерывных передвижениях с фронта на фронт, на второй год гусар посадили в окопы, наравне с пехотой, бородатыми ополченцами, запасными. По ту сторону фронта, в городе Ковеле, осталась жена ротмистра Маркова — гарнизонная дама, бой-баба, дочь воинского начальника. Там же осталась худосочная дочка Верочка. За два года войны Марков получил всего два производства. Начал войну корнетом, стал ротмистром. Не утешали ротмистра Станислав 3-й степени, Анна 4-й — так называемая «клюква» на эфесе сабли. Неудачи по службе Марков об'яснял тем, что с ним не было его Анны Ивановны, бой-бабы. Уж она бы добыла для него производство и хотя бы Владимира на шею. Не было у ротмистра лихой выправки, гусарской наружности. Четыре месяца лазаретной жизни не красили ротмистра. У него был тот мучной, бледный цвет лица, какой бывает у арестантов и лазаретных тяжело больных. Надо было уезжать из Москвы и увозить с собой жалованье и все виды довольствия за четыре месяца, полагающиеся ротмистру, как раненому обер-офицеру.

Хотя в Москве и во всей России у ротмистра Маркова не было ни души, но смертельно не хотелось уезжать, не хотелось возвращаться в полк, трижды сменивший состав в этот злосчастный год. Младшие офицеры не уважали Маркова, старшие в чинах не ценили его. Солдат он не любил, и они его не любили. Предстоял мерзкий конец зимы, затем сырая зловонная весна в окопах. Разве так представлялась ему война, в молодые годы, в Елисаветградском кавалерийском училище?

Последний день в Москве был пустым и скучным. Вечером он забрел в ресторан под названием «Альпийская роза» и едва отыскал стол в переполненном, тускло освещенном зале. У входа сидела дама в большой шляпе с перьями, напоминающими крашеный ковыль. Шляпа скрывала глаза, и ротмистр видел только ярко накрашенные, распухшие губы.

После того как ротмистр выпил в одиночку небольшой чайник, наполненный коньяком (открыто, по случаю войны, вина не подавали), он пригласил даму ужинать. Она не ответила, только красные губы изобразили обидную для ротмистра улыбку. Почти в ту же минуту подошел греческого типа лысый человечек и сел рядом с дамой, положив на стол белые руки, в манжетах с жемчужными запонками.

— Жжиды, — в пространство сказал ротмистр и с ненавистью посмотрел на лысого человечка.

Тогда лысый человек позвал официанта и дал ему визитную карточку. Официант положил карточку перед ротмистром, и ротмистр прочитал:

Николай Христофорович Довгело

Чиновник для особых поручений при Московском градоначальнике.

Ротмистр расплатился и ушел к себе в гостиницу.

Несмотря на все это, не хотелось уезжать из Москвы.

С шумом открывалась вокзальная дверь, входили взволнованные дамы, гимназисты, благообразные старики, а с ними шел радостно-взволнованный офицер, только что приехавший в отпуск с фронта. Для него начиналось то, что сегодня кончалось для ротмистра Маркова.

Сейчас вестовой принесет литер, носильщик возьмет тощий чемодан и портплед, и исчезнет даже такая Москва — буфетный зал, полный людей, движения, говора. Будет вагон, за окном синеющие снега и удаляющиеся огни Москвы.

Ротмистр задремал; это не было сном, он продолжал думать о возвращении в полк. Утром — Киев, вечером — фронт, местечко Клевань, искалеченный бомбардировкой лес, кирпичные фундаменты сгоревших дотла дач, обросшие бородами солдаты, молодые офицеры из студентов, обученные в шесть месяцев тому, чему учили ротмистра всю его сорокалетнюю жизнь. В полудремоте ротмистру стало мерещиться что-то неопределенно-приятное — летний день в усадьбе, свадебный обед, полковая музыка... затем внезапное пробуждение, горечь и щемящее чувство от того, что это был просто сон, короткое забытье. Вестовой положил перед ротмистром литер и молча поглядел на вещи.

— Пошел, — сказал ротмистр, — успеем.

Он огляделся и увидел под искусственной пальмой на диване необыкновенно красивого юношу в дорогой шубе. Это был женственный, с чуть подведенными бровями и тронутыми помадой губами юноша. Женщина под синей вуалью глядела на него кукольными удивленными глазками и смеялась негромким и нежным смехом.

Ротмистр Марков снял фуражку и провел рукой по жестким, отрастающим волосам. Какая-то еще неясная, пугающая и вместе с тем радующая мысль пришла ему в голову.

«Ничего», — подумал вслух Марков, в чем-то убеждая себя, — не хочу, не поеду.

Женщина в синей вуали заметила его. Теперь она глядела на него кукольными глазками.

Юноша сделал незаметное движение рукой и в правом глазу у него сверкнуло стеклышко — монокль на черной шелковой ленте. Оттолкнув ногой стул, Марков подошел к столу.

— Прошу извинения, — сказал он, обращаясь к даме, и продолжал, повернувшись к юноше: — Попрошу убрать монокль.

Юноша улыбнулся и огляделся по сторонам. Офицер говорил довольно громко. Люди обернулись в их сторону.

— А если нет? — тихо спросил юноша.

— Игорь!.. — умоляюще сказала дама.

Вокруг стало тихо. Татарин-официант неслышно переставил стул.

— Вы изволили смеяться, — как бы в раздумье произнес Марков, — извольте прекратить. Я — офицер русской конницы и притом раненый. Не потерплю.

— Не понимаю, — тихо сказал юноша, — что вам нужно?

— Не потерплю, — повторил ротмистр, — прошу прекратить издевки. Вы изволили смеяться. Не позволю.

«Сумасшедший», беззвучно сказала дама.

— Не сметь! — закричал ротмистр. Тут же, в полной тишине, грянули два выстрела.

Полчаса спустя плац-ад'ютант увозил в город арестованного офицера.

На предварительном следствии офицер назвал себя ротмистром Марковым и показал:

«Убил неизвестного молодого человека за то, что тот оскорбительно отозвался о русской коннице и поносил священную особу государя и верховного главнокомандующего...»

Убитый оказался учеником казенного балетного училища Стуколкиным.

Взятый на поруки, убийца остался в Москве. Делу об убийстве на Брянском вокзале не дали хода.

Эпизод из подготовленной к печати и выходящей в Гослитиздате книги «Вот Москва».

Вл. РОГОВ

Максим Горький на китайском языке

1

А. М Горький—любимый писатель в Китае. Нет такого книжного магазина или лавки на Люличане в Бэйпине, на Хэнань-род в Шанхае или на Тайпинлу в Нанкине, где вы не могли бы найти книги Горького. О популярности Горького говорит и такой факт. В Китае нет твердо установленных правил, какими именно иероглифами писать ту или иную иностранную фамилию. Очень часто одна и та же фамилия человека с мировой известностью разными авторами и переводчиками пишется по-разному. Имя же великого пролетарского писателя Гао Эрцзи (Горький) пишется одинаково, одними и теми же иероглифами в любой части Китая.

Отец новой китайской литературы, создатель современного литературного языка писатель Лю-Сюнь, в предисловии к своим переводам Горького в 1935 году писал: «Горький и его произведения в Китае уже всем известны, говорить о нем много нет необходимости».

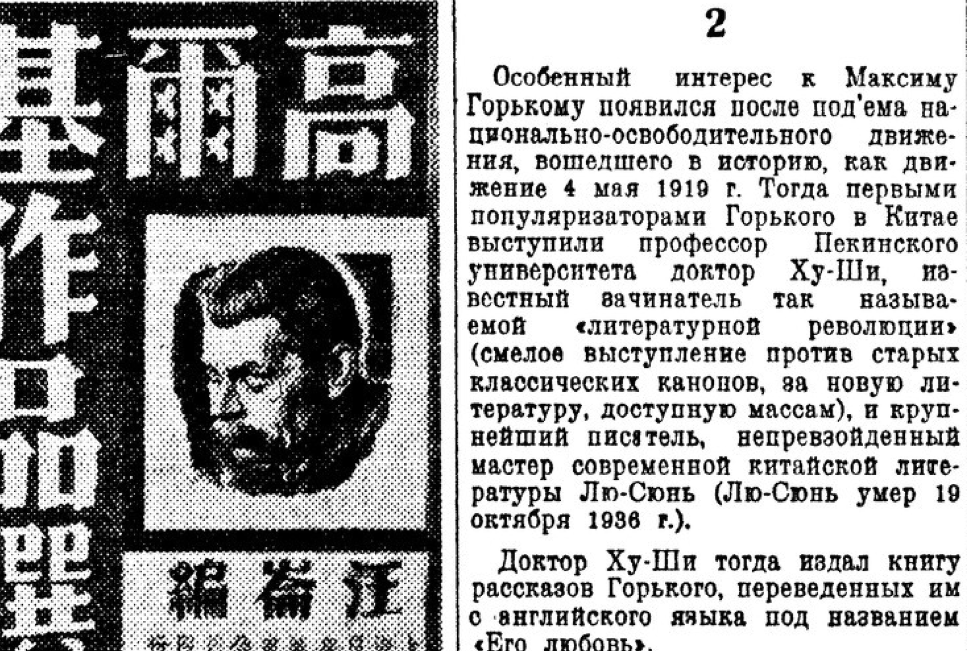
Группа китайских писателей и литераторов, как сообщалось в газетах, работает сейчас над тем, чтобы издать на китайском языке все, что было написано Горьким

За последние годы выпущены собрание сочинений, несколько однотомников, сборников, отдельные книги рассказов, пьес, статей, писем и т. д. Многие произведения («Мать», «Детство», «На дне», «Трое», «Фома Гордеев», «В степи» и др.) вышли несколькими изданиями. Отдельные произведения выходили в сериях «Мировые классики», «Советская литература», «Мастера современной литературы», «Мировая литература» и т. д.

Большим успехом у интеллигенции и литераторов пользуются его литературно-публицистические работы. Небольшие произведения Горького выходили в разных переводах. Особенно посчастливилось в этом отношении «Буревестнику». Только известных переводов «Буревестника» насчитывается больше десяти. По общему признанию, лучший перевод «Буревестника» принадлежит проф. Чжан Си-ману. Широко распространен также перевод Сяо-Цяня, известного переводчика произведений Горького. Крупные произведения также выходили в нескольких переводах («Мать», «Рассказ о необыкновенном», «Детство» и др.).

К сожалению, нет возможности сказать точно, какое первое произведение Горького и когда было переведено на китайский язык.

Обложка книги избранных произведений М. Горького, изданной на китайском языке.

2

Особенный интерес к Максиму Горькому появился после под'ема национально-освободительного движения, вошедшего в историю, как движение 4 мая 1919 г. Тогда первыми популяризаторами Горького в Китае выступили профессор Пекинского университета доктор Ху-Ши, известный зачинатель так называемой «литературной революции» (смелое выступление против старых классических канонов, за новую литературу, доступную массам), и крупнейший писатель, непревзойденный мастер современной китайской литературы Лю-Сюнь (Лю-Сюнь умер 19 октября 1936 г.).

Доктор Ху-Ши тогда издал книгу рассказов Горького, переведенных им с английского языка под названием «Его любовь».

В 1919 году появился новый, сделанный с русского языка Шэнь Дуань-сянем, перевод книги «Мать», который затем был несколько раз переиздан и до настоящего времени считается лучшим переводом этого бессмертного произведения.

За последние годы переводы Горького на китайский язык делаются непосредственно с русского языка.

Среди пропагандистов и переводчиков Горького много крупнейших китайских литераторов и писателей: писатель Лю-Сюнь, литераторы д-р Ху-Ши, проф. Лю-Фу, Ван Юнь-у, расстрелянный два года назад крупнейший китайский литератор, член Политбюро Китайской компартии Цюй Цю-бо, современные писатели Го Мо-жо, Ю Да-фу, Ху-Фын, Жу-Ши и др.

В многочисленном кругу переводчиков Горького на китайский язык на первое место мы поставим Шэнь Дуань-сяня, переводчика книг «Мать», «Жизнь ненужного человека», «Враги», «Мещане», «На дне», «Московские письма» и др. Он является также автором большой биографии Горького.

Переводы ранних произведений, сделанные китайским писателем Ба-Цзин, издавались несколько раз отдельно и десятки раз печатались в различных сборниках и литературных журналах.

Мастерски переведены Сяо-Цанем «Буревестник», «Мордовка», «Товарищ», «Смешное» и др. Замечательными переводчиками Горького являются Сю Ся-цунь, Чжан Ю-сун, Гэн Ци-чжи, Тян Гуан-сы и др. Большой известностью также пользуются переводы Ли-Лань «Фома Гордеев» (китайский перевод вышел под названием «Человек, который боится»), Ли-И «На дне», Сюе-Фын «В степи», Шу-Хуа «Дело Артамоновых» и др.

За последние годы были изданы: в 1932 году — «Фома Гордеев» и «Мои университеты»; в 1936 году — «В людях», «Супруги Орловы»; в 1937 году — «Дело Артамоновых» и об'явлено о выходе в ближайшее время «Жизни Клима Самгина».

Особенно много книг Горького издано после его смерти. В 1936 году шанхайское издательство «Мировая литература» издало «Избранные произведения М. Горького» в шести томах (1-й и 2-й томы—рассказы, 3-й том—пьесы, 4-й том—стихи, 5-й том—статьи и 6-й том—биографические материалы).

В этом году тяньцзинское книгоиздательство «Шэнь-хо Чжи-ши» («Жизнь и знание») начало издание полного пересмотренного собрания сочинений М. Горького, которое оно предполагает закончить в течение трех лет. За первые три месяца уже вышли в свет две книги—«Дело Артамоновых», «Сторож» и «Хозяин».

Отметим хорошо изданный однотомник «Избранные произведения Горького» под редакцией Ван-Луня, издание «Лян-Ю», Шанхай, 1937 г. 720 стр., и сборник «Горький» под редакцией Хуан Фын-чжу, изданный по поводу смерти Алексея Максимовича.

3

Большой известностью в Китае пользуются пьесы М. Горького. Почти все они переведены. По далеко не полным сведениям, за последние годы в китайском современном театре были поставлены инсценировка «Мать», пьесы «На дне» и «Егор Булычев», «Мать» в театральной переделке китайского драматурга и театрального деятеля Тянь-Хань была поставлена «Драматическим обществом Кэ-Ци» в 1934 году в Ханькоу.

Больше всего было постановок пьесы «На дне». В 1928 году ее ставили студенты в Бэйпине и китайские студенты, учащиеся в Токио; в 1930 году она шла в Шанхае в постановке «Общества современной драмы» и в 1932 году ее ставили снова в Бэйпине в «Обществе изучения русского языка». Наконец пьеса «Егор Булычев» была поставлена в 1932 году в Шанхае драматической труппой Шанхайской торговой палаты.

В настоящее время идут репетиции новой постановки «Егора Булычева» в Нанкине в постановке «Китайского общества драмы». В прошлом году в Нанкине шла инсценировка «Мать» в постановке Национальной Академии драмы.

В заключение отметим обширную литературу о Горьком.

Можно сказать, что почти все крупные статьи советских авторов (Луначарского, Крупской, Стецкого, Кирпотина и др.) переведены на китайский язык. Целиком переведены многие сборники, посвященные Горькому («Ленин и Горький», «Горький и литература», биографии, юбилейные сборники и т. д.). Переведена также вся литература, изданная в прошлом году в связи со смертью писателя, в том числе поэтические произведения (Демьяна Бедного, Светлова и др.).

Из работ китайских авторов отметим большую книгу о Горьком, написанную современным левым китайским писателем Цзоу До-фын (китайский писатель Цзоу До-фын недавно сидел в тюрьме, как один из организаторов «Всекитайской ассоциации национального спасения»). По случаю выхода в свет этой книги Лю-Сюнь в письме к автору писал: «выход в свет вашей книги о Горьком является действительно хорошим подарком для китайской молодежи».

Из других работ заслуживает внимания книга Хуан Цзю-пина «Изучение Горького», 1932 г.; биография, написанная известным знатоком Горького Шэнь Дуань-сянем, и сборник «Горький» под редакцией Хуан Фын-чжу, в котором, наряду с переводами из советской прессы, помещено несколько оригинальных статей и стихи китайских поэтов Го Мо-жо и Дин-Фэй, посвященные памяти великого писателя.

Произведения Горького в Китае имеют широкое распространение и большое влияние. Чтобы дать понятие о значении Горького для китайской литературы, приведем слова одного китайского автора. «Прошло немного больше десяти лет,—пишет он в статье «Горький и его влияние на китайскую интеллигенцию»,—с начала движения новой литературы в Китае. В 1928 году движение новой литературы в полном разгаре и охватило всю страну. И именно с этого периода Горький стал близок китайскому культурному миру.

С первого взгляда может казаться, что китайская интеллигенция знакомит Китай только с жизнью Горького и его литературными шедеврами, но на самом деле она пропагандирует его мысли, его идеи и его правильные социальные утверждения. Его учение помогает изменить взгляды китайского литературного мира и тем самым укрепляет основу китайской культуры» (журнал «Чжун-су вэнь-хуа», июль 1936, том I. № 3).

Великий пролетарский писатель Максим Горький — знаменосец социалистического реализма в нашей советской литературе — оказывает самое глубокое влияние на растущую левую, революционную литературу Китая. Он поистине интернационален. Он близок китайскому читателю и китайской литературе.

Нанкин.

Обложка книги М. Горького «В людях», изданной на китайском языке.

НАВСТРЕЧУ XX-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

НАВЕСТИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОРЯДОК

«Литературная газета» не раз писала, что Гослитиздат плохо работает над книгами к двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Однако, как это ни странно, руководство издательства прошло мимо сигналов печати. Результаты этого равнодушия не замедлили сказаться. До двадцатой годовщины Великой пролетарской революции осталось всего три месяца, а положение в Гослитиздате с юбилейной литературой такое же печальное, как пять, шесть месяцев назад.

Не будем голословны.

Вот факты.

К двадцатилетию Октября издательство наметило выпустить двухтомную антологию советской поэзии, сборник «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», книгу конкурсных рассказов об Октябре и т. д.

В каком состоянии эти книги?

Первый том антологии советской поэзии отредактирован только на-днях. В производство он не поступал.

Второй том антологии даже не составлен.

Не сдан в типографию и сборник «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР».

К составлению книги конкурсных рассказов издательские работники не приступили, и когда приступят, никто из них точно не знает. Есть некоторые основания думать, что книга выйдет в свет с большим опозданием. Этого, к слову сказать, и следовало ожидать, ибо Гослитиздат организовал конкурс крайне безобразно. Издательство нарушило указание Совнаркома РСФСР, предложившего об'явить конкурс не позднее 1 октября 1936 г. Об'явлен же был конкурс в феврале 1937 г., т. е. с опозданием на пять месяцев.

Не лучше обстоит дело и с другими юбилейными изданиями: с IV томом «Тихого Дона» М. Шолохова (издательство по сию пору не имеет всей рукописи книги), сборником сказаний Марфы Крюковой (сдан в производство недавно), первым томом киргизского эпоса «Манас» (том переведен не полностью, поступит в редакцию в середине, а, может быть, в конце августа), антологией татарской литературы (еще не составлена) и др.

Катастрофическое состояние плана юбилейных изданий весьма мало беспокоит гослитиздатовских работников. В издательстве серьезно не заботятся о выпуске в срок юбилейных книг.

Руководство не удосужилось разработать график прохождения юбилейными книгами различных производственных процессов. Сотрудники производственного отдела абсолютно не знают, какая книга должна быть выпущена к юбилею. Они совершенно не подготовлены к тому, чтобы быстро издать литературу к двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Не произошло существенных перемен в Гослитиздате и за последние дни.

Нужно навести большевистский порядок в издательстве!

План юбилейных изданий должен быть выполнен полностью и в срок — таково требование многомиллионного советского читателя.

В. ТОНИН.

Что готовят писатели Харькова

Ю. Смолич пишет роман о борьбе молодежи против немецкой оккупации на Украине в 1918 году.

Писателем закончена и кинопьеса «Артистка республики», которая сдана Киевской кинофабрике. В сценарии автор стремится показать величайшую необходимость участия театра в вооруженной борьбе против врагов, воспитательное значение театра для бойцов Красной армии и общественный рост работников искусства в процессе этой борьбы.

Г. Коцюба заканчивает роман, условное название которого — **«В поисках судьбы»**. Замысел писателя — показать дореволюционный Криворожский рудный бассейн, нарастание революционного движения в Криворожье накануне империалистической войны.

Ю. Шовкопляс написал повесть **«Начинается юность»** о подростках-юношах, вступающих в жизнь.

И. Плахтин закончил роман о разгроме австро-немецких оккупантов на Украине. В романе широко использованы материалы о железнодорожном транспорте того периода.

И. Муратов закончил поэму **«Остап Горбань»** — из времен гражданской войны на Украине. Прочитанная недавно на заседании областного правления ССПУ с активом писателей Харькова поэма получила положительную оценку.

Т. Масенко сдал Гослитиздату Украины сборник стихов **«Отчизна»**, в который входят поэтические произведения, написанные в 1936 и 1937 гг. Большое место уделено в сборнике политической лирике. Масенко закончил первую книгу стихотворного романа **«Степь»** — **«Село ОСЫ»** (1914—1918 гг.).

Еврейский поэт **М. Хащеватский**, побывавший в прошлом году на Дальнем Востоке, закончил и сдал Госнацмениздату Украины книгу стихов и очерков **«Биробиджан»**.

О. Донченко закончил большую повесть для детей среднего и старшего возраста — **«Школа над морем»**. Основные герои повести — школьники-пионеры морской пограничной полосы. Выйдет она в Детиздате при ЦК ЛКСМУ.

Н. Забила сдала Детиздату при ЦК ЛКСМУ две книги стихов для детей младшего возраста.

Праздничный номер «Молодой гвардии»

Романом А. Толстого «Оборона Царицына» откроется одиннадцатый номер журнала «Молодая гвардия», посвященный 20-летию Великой пролетарской революции.

О суровых годах гражданской войны, о борьбе за диктатуру пролетариата расскажет читателям публикуемый в этом номере сценарий Л. Славина «История одного солдата».

Поэтический отдел журнала составят: поэма В. Луговского, стихи И. Уткина и поэма молодого поэта, студента Литературного института Н. Симонова о замечательном писателе и коммунисте Н. Островском.

Редакция организует перекличку «рожденных Октябрем». Двадцатилетние юноши и девушки расскажут на страницах журнала, как они работают и учатся, каких успехов они добились к 20-летию советской власти.

В отделе публицистики статьи: Ф. Раскольникова — «Из биографии Ленина» и А. Толстухина — «Сталин в туруханской ссылке», очерки о жизни и деятельности старых большевиков — Ф. Дзержинского и Лазо.

Новое здание-музей им. Тараса Шевченко, построенное рядом с могилой поэта (Канев, Киевской области)

Архивные тайны

В редакционном предисловии к первому номеру «Бюллетеней Государственного Литературного Музея» читаем следующее: «Огромные литературные материалы, собранные нашими музеями и архивами, в большинстве случаев продолжают десятилетиями лежать под спудом именно потому, что наша широкая научно-исследовательская общественность не только не знает, но и не может никаким образом добиться узнать, что именно хранится в наших архивохранилищах. Почти во всех рукописных отделениях наших архивов и музеев, как столичных, так и провинциальных, материалы в большинстве не приведены в порядок, не описаны, лежат в неизвестности. Желающих над ними работать администрация допускает с величайшим трудом и нередко не только не помогает им в работе, но даже скрывает, что хранится в архивах. Исследователи нередко должны прибегать к особым ухищрениям, чтобы проникнуть в эти тайники и добиться получить оттуда то, что веками там накоплено, революцией приумножено, и что так бывает нужно знать для научных исследований».

Это признание, делаемое самими архивными работниками, кажется невероятным, но оно — факт. Государственные архивохранилища наши, цель и назначение которых не только хранить документы, но давать возможность исследователю пускать их в научный оборот, для осуществления этой возможности делают исключительно мало. Исследователь попрежнему, если только он проникнет сквозь крепко запертые перед ним двери архива, не сразу увидит «желанные хартии», так как не сразу узнает, что в данном архиве хранится, ибо описаний архивного материала почти не имеется. Говорим почти, потому, что кое-что, неизмеримо мало, но все-таки описано.

Можно указать на старые ежегодные отчеты Петербургской Публичной библиотеки и библиотеки Румянцевского музея в Москве, в котором печатались описания материалов, хранящихся в рукописных отделениях. Пушкинский дом Академии наук выпустил два «Временника», в которых помещено описание незначительной части архивных материалов. Издан ряд описаний старинных, славяно-русских рукописей. Но все это было во времена стародавние.

А ведь именно за эти двадцать лет революции в архивохранилища наши поступил целый ряд документов, ревниво оберегавшихся от постороннего глаза в частных архивах и в архивах различных ведомств, например, цензурного комитета.

О ценностях, накопленных нашими архивохранилищами, красноречиво говорят сообщения, мелькающие в газетной хронике, краткие описания различных архивных фондов, время от времени печатающиеся в «Литературном наследстве».

Недавно Академией наук издано описание рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском доме; ранее было издано описание пушкинских рукописей в собрании государственной Публичной библиотеки в Ленинграде; в 1933 году издано описание архива Академии наук СССР; Центроархивом в том же году издан «Путеводитель по фондам Ленинградского отделения Центрального исторического архива». Но регулярно выходящих описаний архивных материалов исследователь до сих пор в своих руках не имеет.

Тот же Литературный музей, об'явив, что он «широко растворяет свои двери для непосредственного изучения всех накопленных и собираемых им материалов» и предпринимает для этой цели издание «Бюллетеней», в которых научно описываются архивные документы, сумел издать в 1935 году только единственный выпуск — описание рукописей и писем Тургенева. А о том, что накоплено рукописными отделениями Ленинской библиотеки, Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, Государственного исторического музея, не говоря уже о провинциальных архивохранилищах, в полной мере известно только одним архивистам, но не исследователям.

История основана на документах. Исследователю, имеющему дело с документами, необходимо знать о том, что хранится в архивах. Французские историки Ланглуа и Сеньобос, касаясь вопроса об описях архивных документов, говорят следующее: «Если нет описательных инвентарей хранилищ документов, то это равносильно невозможности узнать о существовании документов иначе, как случайно. Следовательно, мы можем сказать, что успехи истории в значительной степени зависят от усовершенствования общего инвентаря исторических документов».

Не публикуя научных описаний новых поступлений и накопленных богатств, наши архивохранилища весьма скупо публикуют и самые документы.

Литературные материалы, хранящиеся в недрах Центроархива, опубликованы лишь в незначительной мере. В трех сборниках «Трудов Ленинской библиотеки» — малая часть архивных богатств, там хранящихся. Щедрее на публикации Пушкинский дом (ИРЛИ), выпустивший ряд ценных изданий. Литературный музей, давно об'явивший о подготовке к печати девятнадцати томов своих трудов, только в прошлом году издал первый и пока единственный том «Летописей», посвященных Пушкину.

Все это свидетельствует о том, что задача систематизации архивного материала, все еще стоящая перед нашими архивами, разрешена в малой степени.

КНИГОЧИЙ

Конкурс на лучшую книгу для детей

МИНСК (**наш корр.**). ЦК ЛКСМБ об'явил открытый конкурс на лучшее литературно-художественное произведение для детей к 20-й годовщине Великой социалистической революции. Конкурс ставит себе целью создание новых высокохудожественных произведений о героической борьбе рабочих и крестьян во время революции и гражданской войны, о славной Красной армии и доблестных пограничниках, о социалистическом строительстве, о жизни и учебе счастливой советской детворы, о жизни и борьбе за свое освобождение трудящихся и их детей в капиталистических странах.

На конкурс могут быть представлены повести, рассказы, песни, поэмы, сказки, очерки на любом языке.

Лучшие из произведений будут переданы для напечатания и обсуждения читателями в периодической прессе. Для премирования авторов выделены пять премий: в 5000, 3000, 2000, 1000 и 500 рублей. Последний срок представления рукописей — **1 ноября 1937 года.**

У ленинградских писателей

Правление Ленинградского ССП на заседании 2 августа должно было констатировать, что подготовка писателей к двадцатилетию Октября проходит чрезвычайно неудовлетворительно.

Многие писатели задерживают своевременное представление рукописей (Ю. Герман, В. Саянов и др.). Выход к сроку ряда произведений заведомо срывается.

Сборник литературных портретов «Современники», посвященный знатным людям Ленинграда, готов лишь наполовину. Качество многих материалов, включаемых в сборник, вызывает серьезные сомнения.

Целый ряд подлинно знатных людей города Ленина вообще выпал из поля зрения организаторов книги, и сейчас в спешке производятся «соответствующие заказы».

Сборник критических статей «Образ большевика в советской литературе», как сейчас уже вполне ясно, не выйдет.

Сборник «Ленинградские поэты — Октябрю» все еще находится в организационной стадии. Вся его редколлегия находится в нетях «по случаю лета». До сих пор не представили своих стихов Н. Тихонов, Заболоцкий, Саянов, Гитович, Рождественский, Полонская, Комиссарова и др. На чем основан оптимизм редактора сборника А. Прокофьева, утверждающего, что книга все же выйдет к Октябрю, — неясно. Во всяком случае предстоящая спешка неизбежно отразится на качестве отбора материала.

Неудовлетворительно обстоит дело с детской юбилейной книгой. Е. Шварц с эпическим спокойствием сообщил, что реально готовы только три книги — «Мы из Игарки», «Наша родина» М. Ильина и сборник воспоминаний участников Октябрьской революции.

★

Правление почему-то не заслушало докладов редакций журналов.

Между тем, как указал т. Мирошниченко, состояние юбилейных номеров «Литературного современника», например, внушает серьезные опасения.

Кто и под каким углом зрения будет писать статьи и очерки для этих номеров журнала? В этом отношении знаменателен перечень тем, выдвинутых редактором журнала М. Козаковым. Это — восстание юнкеров, бегство Керенского, заговор в ставке и т. п. Партия, массы, все те, кто делал революцию, оказались в тени, авторы были ориентированы неправильно. Одновременно выяснилось, что среди привлеченных писателей нет ни одного члена партии. Сейчас редакция стала срочно производить новые заказы, но при этом писатели-коммунисты ставятся в худшие условия.

Признавая, что секретариату, ввиду раз'езда его членов, трудно во всем об'еме руководить подготовкой к двадцатилетию, правление Ленинградского отделения союза решило создать особую Октябрьскую комиссию, которая должна будет оперативно следить за выполнением в срок всего намеченного. Правление, однако, напрасно перепоручило этой комиссии заслушать доклады журналов. Дело это настолько серьезное и ответственное, что должно было бы стать предметом особого заседания правления.

В состав Октябрьской комиссии вошли тт. Шабанов, Брыкин, Берзин, Прокофьев, Зельцер и Мирошниченко.

★

Роман Ф. Олесова «Возвращение» получил на страницах «Правды» заслуженно суровую оценку.

Литературная общественность Ленинграда, как и в случае с вредной книгой Н. Гирей, произнесла свое слово о романе Олесова со значительным запозданием.

— Хотя и нельзя ставить знака равенства между книгами Ф. Олесова и Н. Гирей, — заявил на заседании правления Ленинградского союза писателей т. Шабанов, — все же есть между ними точки соприкосновения. В романе «Возвращение» советская действительность выглядит чрезвычайно бледно и худосочно. Замечательное социалистическое окружение, которое воздействует на беспризорника, благодаря которому бывший беспризорник получает «путевку в жизнь» и становится активным строителем социализма, показано Олесовым карикатурно.

Вина редакции журнала «Звезда» не только в том, что она поместила сырую, недоработанную вещь молодого писателя, не дала ему правильных указаний и правильного направления, но и в том, что она сопроводила это произведение двумя рекламными статьями — Б. Лавренева и А. Амстердама.

Случай с Ф. Олесовым показывает, что ленинградской литературной организации надо внимательнее работать с молодыми авторами.

Н. Брыкин рассказал, как трудно было писателям его поколения входить в литературу, каким упорным трудом завоевывалось право называться писателями. Олесов же — человек малограмотный, пусть и талантливый, но мало знающий жизнь, — уже раздает знакомым свои увеличенные фотографии со звонкими автографами.

— Леонид Андреев семь лет завоевывал себе право выступить с отдельной книгой, — напоминает М. Зощенко, а Мопассан — десять лет.

Правление единодушно признало правильным выступление «Правды» по поводу романа Ф. Олесова, как и выступление «Литературной газеты» по поводу «68 параллели» Н. Гирей.

★

Подробно обсудив вопрос о Н. Гирей, правление признало ошибкой прием ее в кандидаты союза на основе бессопорно вредной повести.

Одновременно принято решение, отстранить М. Козакова от редактирования журнала «Литературный современник». Ему указано на недопустимость помещения в журнале враждебных произведений и оправдывающих их статей.

Статья Р. Мессер в № 6 «Литературного современника» может служить ярким примером двурушничества и беспринципности в литературе.

Когда Р. Мессер увидела, что литературная общественность последовательно разоблачает политическую вредность повести Гирей, она, воспользовавшись переверсткой журнала, стала вносить в свою статью такие «поправки», которые коренным образом меняли ее смысл.

Правление предложило секции критиков обсудить статью Р. Мессер и дать оценку тем двурушническим методам «критики», которые ею насаждаются.

В том же заседании правление единогласно исключило из членов союза Пиотровского, Эйдука, Олейникова, и Великина.

ВИЧ.

Интерес колхозников к литературе

В совхозах Красно-Зоренского района, Курской области, большой популярностью пользуются самодеятельные литературные вечера.

В Россошанском совхозе на вечерах, посвященных творчеству Пушкина, Гоголя и Горького, побывало около тысячи человек.

В летнем театре, построенном в парке совхоза, читаются лекции на литературные темы.

Были обсуждены книги «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Поднятая целина» и др.

Восемнадцать литературных лекций прочитано в этом году в В.-Любовшанском совхозе.

Рабочие совхозов проявляют к литературе огромный интерес.

В. ЩЕРБИНА

Разоблачение крепостничества

О романе «Пролог» Н. Г. Чернышевского [1]

I

Роман «Пролог» еще не получил достойной оценки со стороны нашей критики и не занял соответствующего места в истории русской литературы. Между тем, это самое крупное и значительное произведение среди сибирской беллетристики Чернышевского.

Написан «Пролог» был в условиях ссылки на Александровском заводе. Рукопись романа была доставлена А. Н. Пыпину в июле 1870 г., с оказией, каким-то священником. Иных возможностей пересылки Чернышевский не имел: послать роман обычным порядком по почте — значило бы навеки его похоронить в архивах жандармского управления. В сопроводительном письме к Пыпину Чернышевский, перечисляя присланные бумаги, отмечает:

«№ 1. Роман «Пролог пролога» — продолжение «Старины», которая была послана прежде. Начинается самостоятельно: все понятно и не читавшему «Старину». Прошу напечатать сколько возможно по цензурным условиям. Если уцелеет хоть половина — и то хорошо. Я писал с мыслью издать во французском и английском переводе. В русском издании надобно выбросить все, что относится до литературных занятий Волгина и вставить, где понадобится, по две- по три фразы, в которых об'яснялось бы, что он — адвокат при Коммерческом суде». (Н. Г. Чернышевский, полн. собр. соч., т. X, ч. II).

Из письма Чернышевского видно, что он придавал своему роману очень большое значение программного документа и поэтому намеревался издать его по-французски и английски. Велико было, повидимому, его желание познакомить с романом и русского читателя («Если уцелеет хоть половина, и то хорошо»).

«Пролог пролога» и «Дневник Левицкого» представляют части большого романа «Пролог», который должен был входить в состав трилогии, представляющей собой грандиозную художественную эпопею русской жизни 50—60-х годов. Роман «Старина», о котором упоминает Чернышевский, должен был быть первой частью этой трилогии, «Пролог» — второй. Завершить трилогию Чернышевский думал «Утопией», следы которой отчасти сохранились в набросках огромного по замыслу романа «Рассказы из Белого зала».

В России роман «Пролог пролога» при жизни Чернышевского не был напечатан и увидел свет лишь в 1906 году, в «полном» собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, изданном его сыном Михаилом Николаевичем.

А. Н. Пыпин, получив рукопись романа «Пролог», не подумал исполнить просьбу Чернышевского и не сделал ни одной попытки напечатать его ни в России, ни за границей. Интересы революционного дела Чернышевского были ему совершенно чужды. Сознательно противодействуя напечатанию романа, Пыпин стал к этому времени активным участником травли революционеров и борьбы против них, которой всегда отличался либеральный лагерь.

В то время, когда Пыпин был твердо уверен, что рукопись романа «Пролог» надежно похоронена в ящике его письменного стола, в 1877 году роман был напечатан за границей П. Л. Лавровым, стоявшим во главе редакции журнала «Вперед».

По сделанному Г. Лопатиным сообщению, рукопись романа в начале 70-х годов была переписана М. Д. Муравским, находившимся в ссылке на Александровском заводе одновременно с Чернышевским. Муравский передал рукопись Г. И. Успенскому, который вручил ее Г. Лопатину, доставившему ее П. Л. Лаврову.

«Пролог» Чернышевского относится к числу драгоценных памятников революционной художественной литературы, тенденциозно замалчиваемых буржуазно-дворянской историей литературы. Традиции буржуазной критики сказались и в дальнейшем.

В то время, когда советская история литературы посвятила роману Чернышевского «Что делать?» десятки специальных исследований, «Пролог» попрежнему остался в тени. Нельзя указать ни одной статьи об этом романе.

Между тем по богатству своего идейного содержания и высоте художественного мастерства роман «Пролог пролога» есть одно из **выдающихся произведений в русской художественной литературе 19-го века.**

Большая простота и четкость «Пролога» по сравнению с подцензурными произведениями Чернышевского помогает разрешению чрезвычайно важной, еще неисследованной проблемы — проблемы художественного метода творчества Чернышевского. Дело в том, что дворянско-буржуазная история литературы категорически и последовательно отказывается признать художественный метод Чернышевского имеющим какое-либо отношение к реализму.

Факт на первый взгляд весьма странный, так как именно за крайнюю приверженность к материализму и реализму особенно упрекали Чернышевского эти же буржуазно-дворянские исследователи, как только речь заходила о работах по эстетике и о критических высказываниях последнего.

II

Роман «Пролог» является произведением, наиболее ярко свидетельствующим о мощи реализма беллетристики Чернышевского.

В «Прологе» Чернышевский на практике стремится воплотить тот вид искусства, о котором он писал в «Эстетических отношениях искусства к действительности». «Если очень многие произведения искусства имеют только один смысл — воспроизведение интересных для человека явлений жизни, то очень многие приобретают кроме этого основного значения другое, высшее — служить об'яснением воспроизводимых явлений. Наконец, если художник — человек мыслящий, то он не может не иметь своего суждения о воспроизводимых явлениях, оно волею или неволею, явно или тайно, сознательно или бессознательно отразится на произведении, которое таким образом получает еще третье значение — приговора мысли о воспроизводимых явлениях... Но если он притом об'ясняет и судит воспроизводимые явления, он становится мыслителем, и его произведение к художественному своему достоинству присоединяет еще высшее значение, значение научное».

Народники и либералы 70—80-х годов совершенно не понимали литературно-художественного значения «Пролога», идейное его содержание было им враждебно. Например, Драгоманов в письме к Лаврову от 15 июня 1877 г. довольно пренебрежительно высказывается о романе Чернышевского.

Нельзя согласиться с оценкой литературно-художественного и политического значения романа «Пролог», которую дал Г. В. Плеханов. Плеханов определил интерес и значение романа в том, что он представляет собой нечто вроде воспоминаний, «облеченных в беллетристическую форму». Конечно, биографический материал в романе «Пролог» имеется, но содержание романа много шире, и в рамки биографического жанра уложить его нельзя.

Единственным человеком, по достоинству оценившим высокие качества этого произведения Чернышевского, явился Ленин. Роман «Пролог пролога» пользовался величайшим вниманием Ленина.

Еще в 1897 году в «Что такое друзья народа» он отмечает глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание антагонистичности русских общественных классов и в подтверждение своей мысли цитирует слова Волгина о крестьянской реформе из «Пролога».

В ряде своих других произведений Ленин ссылается на роман Чернышевского «Пролог пролога» и цитирует выдержки из него. Огромный материал в этом отношении могут дать следующие статьи Ленина: «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе» (1907 г.), «За что бороться?» (1910 г.), «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» (1911 г.), «О национальной гордости великороссов» (1914 г.) и т. д.

Особенное внимание Ленина к роману «Пролог пролога» и его высокая положительная оценка свидетельствуют о высоких идейных и творческих данных романа.

В своем романе Чернышевский дает блестящую картину подготовки знаменитой «крестьянской реформы 1861 г.» и настроений русского общества в то время. В качестве действующих лиц романа фигурирует ряд основных политических деятелей России той эпохи: сам Чернышевский (Волгин), Добролюбов (Левицкий), Сераковский (Соколовский), Кавелин (Рязанцев) и т. д.

III

Ленин в своей работе «Что такое друзья народа?» положительно отзывается о картине осуществления крестьянской реформы, развернутой в этом романе. Процитировав слова Волгина, Ленин замечает: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся» (Ленин, изд. 2, т. I, стр. 179).

Об'ективность изображения хода буржуазной реформы в «Прологе» сочетается с остротой и глубиной политического анализа. История мировой литературы знает очень мало подобных примеров, когда бы художественное произведение находилось на такой высоте передового сознания своего времени. В этом смысле «Пролог» действительно сочетает достоинства художественности и научности, обогащая наши представления о событиях и людях 60-х годов.

Это является одним из важнейших обстоятельств, обусловливающих высокое познавательное значение романа «Пролог»: наряду со своими беллетристическими достоинствами он имеет значение крупнейшего социально-политического документа. Поэтому Ленин в своих работах по вопросу об оценке буржуазных реформ и либерализма так часто цитировал выдержки из «Пролога».

«Пролог» — единственное произведение в истории русской литературы, беспощадно разоблачающее те измышления, которыми официальная дворянско-буржуазная история окутала буржуазную реформу 1861 года.

Роман заканчивается эффектной, выполненной с большим художественным мастерством картиной обеда, устроенного либеральной партией совместно с крепостниками в доме Илатонцева. В этой картине раскрывается основной идейный замысел романа.

Рельефна и многозначительна на фоне блестящей дворянской толпы фигура присутствующего на обеде влиятельного петербургского журналиста Волгина, в котором нетрудно узнать самого Чернышевского.

Только Чернышевский и немногочисленная группа его сторонников — революционеров-демократов действительно стояли на стороне народа и заботились о его интересах, а либералы, совместно с крепостниками, шли единым фронтом против крестьянства, были враждебны ему. Чернышевский средствами художественного изображения рельефно показывает единство либералов с крепостниками, ложность либерально-народнической легенды о пресловутой борьбе крепостников и либералов.

В лице Чаплина разоблачается крепостничество. Однако главный удар в романе Чернышевский направляет на либерализм. Он великолепно понимал, что пропаганда идей крестьянской революции невозможна без разоблачения всяких реформистских концепций. Работы Чернышевского наполнены презрительным отношением к либералам — отечественным и иноземным. Своим отношением к либерализму и разоблачением его Чернышевский оказал огромное влияние на идейное формирование последующего поколения революционеров.

Непримиримость Чернышевского к либерализму была прекрасным выражением его величайшей революционности и верности идеям крестьянской демократии.

Главнейшие элементы литературного стиля Чернышевского — правдивость и простота — сочетаются с открытой партийностью и страстностью изображения. Страстность как выражение открытой партийности — основной и непременный элемент художественного стиля Чернышевского и его революционного мировоззрения.

Великую любовь к народу Чернышевский перевоплотил в великую ненависть к эксплоататорам, в практику революционного дела, и в этом его величие человека и писателя.

Изданы книги хорошо.

В «полном» собрании сочинений Н. Г. Чернышевского роман был напечатан с сокращениями и пропусками.

В рецензируемых изданиях тексты сверены с авторской рукописью.

[1] **Н. Г. Чернышевский, «Пролог»**, изд. «Академия», 1936 г., тир. 10.000, цена 10 руб.

Н. Г. Чернышевский, «Пролог», Гослитиздат, 1936 г., тир. 25.000, цена 5 р. 25 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1637 год

Умер Бен Джонсон

6 августа исполняется триста пятьдесят лет со дня смерти знаменитого английского драматурга Бен Джонсона.

Бен Джонсон жил в елизаветинскую эпоху — самый замечательный период в истории культуры Англии. Его современниками были Шекспир и Бэкон. С Шекспиром его связывала многолетняя дружба, которую не поколебали долгие литературные споры.

Бен Джонсон родился в бедной, необеспеченной семье. Годы его учения были непродолжительны. Но благодаря блестящим способностям и феноменальной памяти он уже в молодости в совершенстве знал древних классиков и глубоко впитал в себя античные воззрения на жизнь и понимание искусства.

В течение долгого времени Бен Джонсон не мог найти практического применения своим знаниям. Нужда заставляла его отвлекаться от занятий наукой и искусством и превращала его то в каменщика, то в наемного солдата, то в актера бродячей труппы. Но именно эта последняя профессия помогла ему найти свое настоящее призвание. По предложению директора труппы он начал заниматься исправлением старых пьес. А в 1598 г. написал первую свою пьесу «Каждый в своем нраве», которая с грандиозным успехом прошла в театре «Глобус». Одну из главных ролей исполнял Шекспир.

Бен Джонсон был одним из первых драматургов, утверждавших реализм в сценическом искусстве.

«У меня, — заявляет он, — нет ни тронов, падающих с неба, ни выстрелов и баталий, ни потопления кораблей, но все говорят и поступают, как в действительности. Представляя верное отражение людей и жизни, я буду изображать на сцене только такие действия и употреблять только такие слова, какие встречаются в жизни; я буду рисовать картину своего времени и смеяться над человеческими глупостями».

Особенно горячо нападал он на драматургов, утверждавших, что единственная задача театрального искусства — развлекать публику, «нравиться и восхищать». Задача драматического произведения, — говорил Бен Джонсон, — заключается в том, чтобы учить добру, показывать общественные язвы, бичевать пороки.

«Моя суровая рука, — писал он, — создана на то, чтобы хватать порок за шиворот и изображать те мелкие души, которые готовы питать всякое низкое тщеславие и духовное убожество».

Нападая на общественные пороки и несправедливости своего времени, он прежде всего имел в виду общественное устройство феодальной Англии. Разорвав с феодальными традициями, он глубоко демократизировал свое творчество, выбирал своих героев не в среде чопорных аристократов, а в самых разнообразных кругах городского и сельского населения. В своих лучших пьесах — «Вольпона», «Эписин», «Посрамленный бес», «Варфоломеевская ярмарка», «Алхимик» и других Бен Джонсон показал множество персонажей, типичных для своего времени.

Центральным стержнем пьес Бен Джонсона всегда являются характеры с резко подчеркнутым преобладанием той или иной черты. Эта единая ведущая черта определяет и образ мыслей, и привычки, и поступки, и даже жесты его героев. Как заметил английский писатель Кольридж, «герои Джонсона — люди с огромными наростами, которые легко представить себе ампутированными, но тогда пациент немедленно потеряет весь свой характер». И тем не менее Бен Джонсон никогда не впадал в чрезмерные абстракции. Его герои всегда остаются в рамках сценического реализма.

Бен Джонсон оказал на последующую драматургию чрезвычайно большое влияние. Гольдсмит, Фильдинг, Шеридан и наконец писатели XIX века, вплоть до Бернарда Шоу, очень многому учились у Бен Джонсона.

1831 год

Родился В. С. Курочкин

9 августа 1831 г. родился известный поэт В. С. Курочкин, основоположник политической сатиры в русской журналистике.

Творчество Курочкина сыграло весьма заметную роль в формировании революционного мировоззрения русских разночинцев 60-х годов.

Стихи Курочкина ярко обличали деспотизм и произвол царской бюрократии, преследовали реакционеров-крепостников, воспитывали в читателе готовность к освободительной борьбе. Средствами поэзии Курочкин боролся против самодержавия вместе с Чернышевским и Добролюбовым.

Впервые имя Курочкина стало известным широкому читателю после сделанных им блестящих переводов Беранже. Многие из этих переводов полностью сохранили свое значение и в наши дни. После смерти Курочкина реакционная печать старалась представить Курочкина только как талантливого переводчика.

Между тем важнейшей заслугой Курочкина было создание сатирического журнала «Искра», впервые в истории русской литературы придавшего сатире подлинно политическую остроту.

Стихи и фельетоны Курочкина и карикатуры Степанова создали «Искре» необычайный успех. Любой царский чиновник, взяточник-бюрократ, крепостник-помещик боялись «Искры» не меньше, чем герценовского «Колокола». Для самого Курочкина журнал стал важнейшим делом его жизни. Близко знавший его А. М. Скабичевский рассказывает: «Все существо его сливалось с «Искрою» в одно неразрывное целое... «Искра» — это был он сам. В нее вложил он и все свое состояние, и свою душу, и гибель «Искры» была вместе с тем гибелью и его самого».

Разумеется, такой журнал не мог долго просуществовать. Правительство не закрыло его, но запретило печатание карикатур. С этого времени журнал стал клониться к упадку и в 1873 году закрылся.

Курочкин не мог примириться с гибелью «Искры». Он запил, стал быстро опускаться. Не прошло и двух лет, как он умер. Обстоятельства его смерти до сих пор остаются загадочными. Подозрения на отравление были настолько велики, что прокурорский надзор возбудил следствие. Оно не дало никаких результатов. Удалось выяснить только, что по ошибке, допущенной либо врачом, либо аптекарем, Курочкину была впрыснута смертельная доза морфия. Прокурор не придал этому значения, и дело было прекращено.

Однотомник Джамбула

Гослитиздат выпускает к 20-й годовщине Великой пролетарской революции однотомник песен и поэм Джамбула.

Кроме широко известных произведений Джамбула — «Моя родина», «Клим-батыр», «Песня о Сталине», «Великий сталинский закон» и др. — в однотомник войдут новые, еще неизвестные вещи Джамбула: «Утеченбатыр», «Колыбельная песня», «Поэма о Ворошилове», «Песня о Кляче и Коне» и др.

Над переводами новых произведений Джамбула работают К. Алтайский и П. Кузнецов.

В однотомнике будет помещена статья Каратаева о жизненном и творческом пути 90-летнего народного певца-орденоносца Джамбула.

Сборник статей А. В. Луначарского

Изогиз готовит к печати книгу А. В. Луначарского «Статьи об изобразительном искусстве».

Вошедшие в сборник статьи охватывают период времени с начала текущего века до смерти А. В. Луначарского и посвящены западному, дореволюционному русскому и советскому искусству. Собраны также статьи о народном искусстве.

Почти нет художника XX века, который не был бы отмечен в помещенных в сборнике статьях.

Особенную ценность представляют в сборнике воспоминания Луначарского о Ленине. В них приведены высказывания великого вождя трудящихся по вопросам изобразительного искусства. Открывается книга статьей «Ленин о культуре».

Кинооператор Р. КАРМЕН со своим сыном на Белорусском вокзале в день возвращения из Испании. (Союзфото).

По следам Д. Н. Садовникова

80 лет назад известный собиратель русских загадок Д. Н Садовников выпустил книгу «Загадки русского народа». Этот труд явился результатом длительного изучения фольклора в нынешнем Куйбышевском крае.

Специальная экспедиция московских школьников по заданию Всесоюзной Академии наук пойдет по следам Д. Н. Садовникова и посетит села: Пальцыно, Камышевка, Ново-Урайкино и Озерки Ставропольского района Куйбышевского края.

Такая же экспедиция направлена в Ижевский район. Эта группа школьников получила задание записать богатый удмуртский фольклор и старинные былины о героике русского народа, о его борьбе со всякого рода иноземными интервентами и местными поработителями-помещиками.

Экспедиция посетит села Мещеры, Вереты, Городное и город Ижевск.

Обе фольклорные группы организованы Московским домом внешкольной работы из состава наиболее активных членов литературных кружков средних школ Московской области.

В прошлом году Дом внешкольной работы организовал такую же фольклорную экспедицию в Шацк, Сапожок и Каширу. Экспедиция в одном тольке Сапожке собрала около 1500 двухстрочных частушек (так называемые «страдания»), 80 песен, около 400 загадок.

Все материалы прошлогодней и нынешней экспедиций будут включены в специальный фольклорный сборник, издаваемый к 20-ой годовщине Великой пролетарской революции.

Накануне юбилея Шота Руставели

Музей восточных культур (Москва) развернул подготовку к организации выставки, посвященной 750-летию со дня рождения Шота Руставели.

В Грузинскую и Армянскую республики командирован научный сотрудник для сбора материалов на тему — «Мотивы поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в грузинском искусстве».

Кроме того научный сотрудник музея займется изучением современного художественного искусства этих национальных республик и сбором материалов для экспозиции в музее. Ему же поручено приобрести для музея произведения живописи выдающихся художников и скульпторов, в частности произведения художников-орденоносцев М. Сарьяна и М. Тоидзе, скульптора-орденоносца Николадзе и др.

Музей ставит перед собой также задачу собрать образцы народных художественных ремесл: художественно выполненные ковры, вышивку и пр.

Выставка, посвященная Шота Руставели, будет открыта в декабре текущего года.

Новинки Детиздата

Готовится к печати новая **массовая серия книг для малышей.**

Книжки этой серии по формату в полтора-два раза больше «книжки-малышки», и в каждой из них множество цветных рисунков.

По плану эта серия включена в издания 1938 года, но первые десять книжек уже подготовлены к печати и выйдут еще в текущем году. Дети получат в ближайшее время народные сказки «Зимовье зверей» и «Мышка, курочка и петух», сказки братьев Гримм — «Заяц и Еж», «Красную шапочку» Перро, «Считалочку» Барто и др.

Тираж серии — 300—400 тысяч.

★

В школьной серии Детиздата в ближайшие дни выйдут книги: «Робинзон Крузо» — Д. Дефо и избранные рассказы Ч. Диккенса в переводе и обработке К. Чуковского. В сборник рассказов Диккенса вошли: «Охотник в ловушке», «Миссис Гаммит и ее сыновья», «Приключения Мак-Леггана», «Пришельцы» и др.

★

Для маленьких читателей Удмуртии национальный сектор Детиздата выпустил несколько книг серии «Маленькая библиотечка». Вышли: сказки Перро, Гауфа и «Козетта» В. Гюго.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КИЕВ

От нашего корреспондента.

Украинский поэт **Микола Бажан** сдал Гослитиздату Украины перевод поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», над которым он работал свыше двух лет. Книга, иллюстрируемая грузинской художницей Табидзе, выйдет из печати к 750-летнему юбилею великого грузинского поэта.

★

Президиум Академии наук УССР присудил ученую степень доктора литературных наук известному украинскому поэту, академику **Павло Тычине.**

★

Институт украинской литературы им. Т. Г. Шевченко при Академии наук УССР выпускает в сентябре литературный сборник, посвященный 20-летию Великой социалистической революции.

В отделе «Литературное наследство» будет напечатана неопубликованная переписка А. М. Горького с украинскими писателями.

★

Состоялся украинский слет лучших участников смотра литературного творчества учащихся неполных средних и средних школ. В слете участвовали 80 учащихся — победителей областных смотров.

Дети выступали с произведениями, посвященными товарищу Сталину, славным соколам — завоевателям Арктики, парашютистам, событиям в Испании и т. д. Наркомат просвещения УССР, по решению жюри, наградил наиболее талантливых детей премиями — стипендиями до окончания средней и высшей школы. Участники слета премированы также экскурсией в Ленинград.

Лучшие произведения издаются отдельным сборником.

★

Институт украинской литературы им. Шевченко при Академии наук УССР закончил разработку **309** писем известного украинского писателя **Коцюбинского.**

В этих письмах Коцюбинский высоко оценивает литературно-общественную деятельность А. М. Горького, у которого Коцюбинский гостил на о. Капри, и пишет о том, что Алексей Максимович уделял большое внимание и помогал развитию украинской литературы.

И. МАРКУС.

Вредное невежество

В номере от 2 августа «Известия» публикуют заметку о том, что «Ленинградское государственное литературное издательство» начинает издание большой серии лучших образцов испанской литературы. «Известия» сообщают: «В сборник «Антологии испанской поэзии» включены 54 крупнейших поэта Испании XIX—XX вв., среди них революционные поэты Пла-и-Бельтран, Альберти, Унамуно, расстрелянный фашистами Гарсиа Лорка и другие».

К сведению «Известий» сообщаем, что М. Унамуно, переживший за 72 года своей жизни не мало метаморфоз, в 1931 году поместил в испанской печати письмо, в котором поднимал руку на Маркса и социализм. Позднее, после восстания астурийских горняков, он отказал в денежной помощи заключенным правительственных тюрем. В 1935 году он устроил банкет с прочувственными речами для главы фашистской «Испанской фаланги». Унамуно выступил после победы на выборах в Испании народного фронта (16 февраля 1936 г.) в «Аоре» со статьей, где об'являл Испанию «сумасшедшим домом, выпущенным на волю». Естественно, что фашистских мятежников Унамуно провозгласил «защитниками испанской культуры», а благодарные генералы утвердили его «пожизненным ректором Саламанкского университета» с заданием «очистить библиотеку университета от книг, противных духу патриотизма и религии».

В самом конце своей жизни Унамуно был жестоко наказан за свои симпатии к фашистским варварам горьким разочарованием. Он выступил против фашистского террора и, фактически находясь в плену у фашистов, не скрывал своего отношения к ним. Но ставить его имя в один ряд с именем расстрелянного фашистами Гарсиа Лорка — политически вредное невежество.

Бюрократическая отписка

Заместитель директора Литфонда СССР т. Юрасов прислал нам свой ответ на помещенное в № 39 «Литературной газеты», от 20 июля с. г., письмо в редакцию т. Р. Шепельской.

А. И. Юрасов пишет:

«Р. Шепельская состоит пайщиком РЖСКТ «Советский писатель». К этой кооперативной организации, членом которой она состоит, т. Шепельская может и должна пред'явить все свои претензии о жилплощади. Литфонд СССР распределяет состоящую у него на учете площадь в домах муниципального фонда только среди членов и кандидатов ССП. Шепельская ни членом, ни кандидатом союза советских писателей, ни членом Литературного фонда не состоит, и таким образом забота о жилищном устройстве т. Шепельской непосредственно в задачи Литфонда не входит.

Однако, учитывая долголетнюю работу т. Шепельской в ССП и жилищную ее нуждаемость, Литфонд с разрешения секретариата ССП согласился предоставить ей комнату в доме № 2 по проезду МХАТ, освободившуюся за переездом в другой дом писателя М. Голодного, и выдал ей на эту комнату ордер. Но семья т. Голодного «захватила» освободившуюся комнату и тем самым лишила т. Шепельскую возможности реализовать ордер.

Дело о захвате комнаты передается в народный суд.

Таким образом никакого «издевательства» над Р. Шепельской со стороны Литфонда, к которому она по существу не имеет отношения, нет и не было».

★

Ответ Литфонда на вопрос т. Шепельской — будет ли положен предел издевательствам над человеком со стороны правления РЖСКТ «Советский писатель» и Литфонда — не только подтверждает самый факт этих издевательств, но и прибавляет к ним еще одно лишнее издевательство.

По бюрократической логике Литфонда, саботировать решение секретариата ССП о включении т. Шепельской в план распределения состоящей на его учете жилплощади — значит «учитывать долголетнюю работу т. Шепельской в ССП». Выдавать нереальные ордера на занятие площади — значит по той же логике «учитывать ее жилищную нуждаемость».

Обращаем внимание правления ССП на никуда негодную попытку Литфонда «умыть руки» в этом безобразном деле. Правление РЖСКТ «Советский писатель» и Литфонд обязаны выполнить свои обязательства перед т. Шепельской, обязательства, подтвержденные секретариатом ССП.

Третий московский карнавал

Сегодня ночью в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького — третий московский карнавал. Днем парк будет закрыт. С'езд участников карнавала начнется в 9 часов вечера. К этому времени художники и бутафоры установят карнавальные арки, декорации и украшения, замаскируют скульптуры и видоизменят аттракционы.

Устраивается аллея карикатур, где на отдельных щитах будут вывешены остроумные зарисовки, тексты и об'явления.

Массовое поле превратится в веселый народный балаган, где публику будут развлекать клоуны и скоморохи. В пародийном цирке зрителям покажут «человека-снаряд», «прыжок с купола» и другие комические пантомины.

«Магазин веселья» в парке заготовил маски на все вкусы — есть герои сказок Пушкина, басен Крылова и т. д.

В состав жюри конкурса на лучший карнавальный костюм входят крупнейшие художники пролетарской столицы.

На карнавал приглашено 40 оркестров. По сигналу они начнут играть вальс, который будут танцовать одновременно во всем парке.

В час ночи по радио будут об'явлены результаты конкурса танцоров и певцов.

Зрелища, представления и концерты в театрах и на эстрадах будут продолжаться всю ночь.

Товарищ Башкиров отмалчивается

Правление Литературного фонда СССР, в заседании 21 июля с. г., обсудило напечатанную в № 39 «Литературной газеты» от 20 июля с. г. статью т. Гузикова «Медленно и недоброкачественно» — о строительстве дома РЖСКТ «Советский писатель».

Правление Литфонда считает эту статью вполне правильной.

Действительно, строительство жилого дома по Лаврушинскому пер. велось исключительно медленными темпами, назначаемые для ввода дома в эксплоатацию сроки систематически нарушались, качество выполнения работ плохое, налицо масса дефектов и недоделок.

Литературный фонд к строительству этого дома не имел отношения. Это дело целиком РЖСКТ «Советский писатель».

Но правление Литфонда, имеющее своей задачей материально-бытовое обслуживание писателей, присоединяет свой голос к требованиям автора статьи и считает необходимым, чтобы правление РЖСКТ «Советский писатель» немедленно устранило все дефекты в строительстве (начальник — т. **Башкиров**) и приняло решительные меры к быстрому и полному окончанию всех секций жилого дома по Лаврушинскому переулку.

Директор Литфонда СССР

ОСЬКИН.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Правление Союза Советских Писателей СССР с глубоким прискорбием извещает, что вчера, 4-го августа, после тяжелой и продолжительной болезни скончалась

КЛАВДИЯ ФИЛИППОВНА СТАВСКАЯ.

Советские писатели выражают товарищу Вл. Ставскому чувство братского соболезнования по поводу тяжелейшей утраты.

Редакция и коллектив сотрудников «Литературной газеты» выражают свою глубокую скорбь по случаю понесенной т. В. П. Ставским утраты — смерти жены и друга

КЛАВДИИ ФИЛИППОВНЫ СТАВСКОЙ,

скончавшейся 4 августа с. г.

Редакция газеты «Советское Искусство» выражает глубокое соболезнование т. В. П. Ставскому в постигшей его тяжелой утрате — смерти жены, товарища и друга

КЛАВДИИ ФИЛИППОВНЫ СТАВСКОЙ,

последовавшей 4 августа.

ДЕЛА И ДНИ ИВАНА ШУХОВА

Жизнеописание писателя Ивана Шухова становится достоянием широких читательских масс гораздо раньше, чем они органически ощутили потребность в его биографии.

Но не такой человек писатель Иван Шухов, чтобы слава его «лежала». «Слава» Ивана Шухова «бежит», и апофеоз этой «славы» мы видим сейчас в Московском городском суде.

Начавшийся 2 августа в Московском городском суде процесс И. Шухова по обвинению его в физическом и моральном истязании своей жены и принуждении ее к аборту ярко осветил не только его человеческую, но и писательскую биографию.

Писательская биография у И. Шухова счастливая, ибо это — биография молодого писателя в нашей стране. Ему было обеспечено внимание страны и ее лучших людей, блестящие материальные условия. На родине Ивана Шухова, в Казахстане, за ним любовно ухаживали, как за знатным человеком страны. В станице Пресновке ему подносят в дар жилой дом, у него личный автомобиль. Его однажды выдвигали даже в члены одного из руководящих советских органов Казахстана, но он сам «снял» свою кандидатуру, зарекомендовавши себя дебошем на банкете.

Подобным же образом И. Шухов вообще использует предоставленные ему исключительно благоприятные возможности. Обвинительный акт и показания бывшей жены Шухова рисуют картину бытовой распущенности, полной моральной опустошенности этого человека. Во весь рост встает портрет «героя» низкопробной литературной богемы.

Рассказ Шуховой — волнующий человеческий документ. Почти ребенком, пятнадцатилетней девушкой, она стала женой Шухова и, попав в этот «шуховский университет», она проходит все ступени человеческого унижения, подвергается моральным и физическим истязаниям.

Даже собственного ребенка не пощадил И. Шухов. Вернувшуюся из родильного дома жену он встречает словами: «Ни ты, ни ребенок мне не нужны». Над двухлетним сыном он устраивает дикие потехи — заставляет ребенка пить водку, вставляет ему в рот горящую папиросу и т. д.

Свою жену писатель И. Шухов избивает дома, в гостях и на улице.

Отвратительным изобретением пошлой фантазии является устроенный им «семейный суд» над женой, причем сам писатель И. Шухов приводит приговор в исполнение, жестоко избивая ее.

Даже сидя на скамье подсудимых, И. Шухов не сознает ни своего падения, ни своих преступлений.

Отвергая обвинение в систематическом издевательстве над женой, И. Шухов идиллически квалифицирует их взаимные отношения только как «частые семейные скандалы, переходившие в мелкие драки».

Гнусную комедию «семейного суда», который был открыт закадычным другом Шухова, ныне разоблаченным троцкистом Конюховым, издевательской вступительной речью, Шухов деликатно признает только ошибкой.

У Шухова законченная идеология: он в жизни руководится смердяковским «все дозволено». «Все дозволено» ему — писателю, «творцу».

Об идеалах писателя Шухова, о его литературных симпатиях и антипатиях очень мало известно. Даже в богатейшей хронике избиений Шуховым жены по самым разнородным поводам известны только два случая, когда это являлось финалом литературных интермедий. Так, в одном случае Шухова была избита за то, что не согласилась признать Павла Васильева «советским Пушкиным», а в другом случае — за то, что не согласилась почитать Ивана Бунина гениальнейшим писателем всех времен, значительно превосходящим Максима Горького.

Во время интимных литературных признаний И. Шухов говорил, что он вынашивает образ героя, о котором мечтает написать книгу. Это должна быть книга о герое, имеющем 12 жен и тем не менее вызывающем к себе всеобщую симпатию.

Процесс бросил некоторый — правда, достаточно скупой — свет не только на дела и дни самого писателя Шухова, но и на его ближайшее окружение. В своей личной и писательской жизни Шухов ряд лет был тесно связан с разоблаченным троцкистом Конюховым. Даже на суде Шухов говорит о нем как об «исключительно культурном человеке». Преклонение и особую нежность Шухов питал к кулацкому выродку Павлу Васильеву. Он позволял ему у себя дома декламировать антисоветские стихи и выслушивал упреки Васильева, что он, Шухов, женившись на еврейке, «заменил церковь синагогой».

Шухов поддерживал связь с врагами народа, пьянствуя в их компании.

На суде со свидетельскими показаниями выступили общавшиеся с Шуховым литераторы Пермитин и Федосеев.

На глазах писателя Пермитина, в его доме, Шухов бил жену, гнался за ней с револьвером. Неизвестно, как реагировал на эти «забавы» Шухова Пермитин в свое время, но на суд он пришел с версией, что якобы жена Шухова своим поведением вынуждала к этому.

На вопрос прокурора — как он, Пермитин, реагировал на то, что в его доме человек избивал женщину, Пермитин разводит руками.

— Что же я, в суд должен был об этом заявить?

Критик Федосеев передает свое первое впечатление от Шухова:

— Обыкновенный писатель, немножко веселый, немножко возбужденный.

Этот «обыкновенный писатель» при ближайшем рассмотрении, однако, представился Федосееву «человеком беспринципным и циничным».

Преданная «секретарша» Шухова Уфлянд перечисляет наряды Шуховой, которыми она якобы разоряла Шухова, вызывая этим перечислением недоуменный вопрос председателя суда:

— Что же, у вас ключи от сундуков Шуховой были?

Странную «позицию» в деле Шухова занял старший референт сой за советских писателей Бровман, который, по его словам, обследовал деятельность Шухова после разоблачения «Комсомольской правды» «с точки зрения общественных проблем, стоящих перед союзом советских писателей». В результате своего обследования т. Бровман не пришел к заключению, что Шухов не оправдывает звания советского писателя. Даже на суде Бровман рекламирует Шухова как «единственно талантливого писателя Казахстана».

На полную несостоятельность заключения Бровмана указал выступивший на суде ответственный секретарь ССП т. В. Ставский.

Тов. Ставский указывает, что Бровман не сумел дать правильной общественной оценки деяний Шухова. Вместо этого он пустился в расследование вопросов, не имеющих значения для дела.

Признавая Шухова одаренным писателем, т. Ставский указывает, что после первого своего произведения Шухов сдал и не работает над собой. Произведения Шухова выдают его низкий культурный уровень.

Никаких смягчающих вину Шухова обстоятельств найти невозможно. Ему были предоставлены все возможности для творческой работы. Им много занимались, притом крупнейшие писатели страны, в том числе и А. М. Горький, но Шухов пренебрегал даже самыми авторитетными указаниями. Не выполнил Шухов и указаний А. М. Горького об исправлении его последнего романа «Родина».

— По этому поводу, — говорит т. Ставский, — А. М. Горький сетовал: «Зачем ко мне присылают рукописи! От меня, повидимому, ожидают только славы и признания, а не рассчитывают на помощь. Когда я оказываю эту помощь, ею пренебрегают».

Говоря о реагировании союза на доходившие до него сигналы о поведении Шухова, т. Ставский указывает, что на Шухова неоднократно пытались воздействовать, но это ни к чему не приводило. Правда, воздействие это производилось в личном порядке, а не в общественном.

Тов. Ставский подчеркивает отрицательное отношение союза советских писателей к Шухову.

Вчера, отвечая на заключительные вопросы председателя суда, И. Шухов признал, что статья «Комсомольской правды» «Личная жизнь писателя Шухова» в основном правильна.

И. Шухов вынужден был далее заявить, что он на суде только понял, что морально и политически разложился и не является достойным звания советского писателя.

Вечером на процессе начались прения сторон.

Общественно-политическую и этическую оценку преступления Шухова дал в своей речи общественный обвинитель т. Трегуб. Наиболее сильное впечатление в его речи произвели процитированные им письма, полученные «Комсомольской правдой» от представителей самых разнообразных слоев советской общественности, возмущенно реагировавших на преступления И. Шухова против морали советского гражданина и писателя.

После речей сторон (прокурор — т. Ласкин и защитник т. Брауде) и реплики общественного обвинителя был об'явлен перерыв.

Приговор ожидается сегодня.

С. ИППОЛИТОВ.

Уполномоченный Главлита № В—31.312.

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.